

Приключения маленьких геловетков

Мэри Хортон

Добывайки

на новом месте

#эксмогетство

Приключения маленьких человечков

Мэри Нортон

Добывайки на новом месте

«ЭКСМО»

1982

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Нортон М.

Добывайки на новом месте / М. Нортон — «Эксмо»,
1982 — (Приключения маленьких человечков)

ISBN 978-5-04-091406-7

Сказочные чудесные истории о маленьких человечках-добывайках, которые живут рядом с нами и потихоньку «одалживают» разные вещи. Семейство добываек Курантов вновь ищет новый дом. И, похоже, они нашли его около старой церкви, однако их заметили люди! Невероятные приключения добываек в почти детективной истории – с похищением и счастливым избавлением от смертельной опасности.

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-091406-7

© Нортон М., 1982
© Эксмо, 1982

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвёртая	23
Глава пятая	31
Глава шестая	34
Глава седьмая	41
Глава восьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мэри Нортон

Добывайки на новом месте

The Borrowers Avenged © Mary Norton 1982

This edition is published by arrangement with Aitken

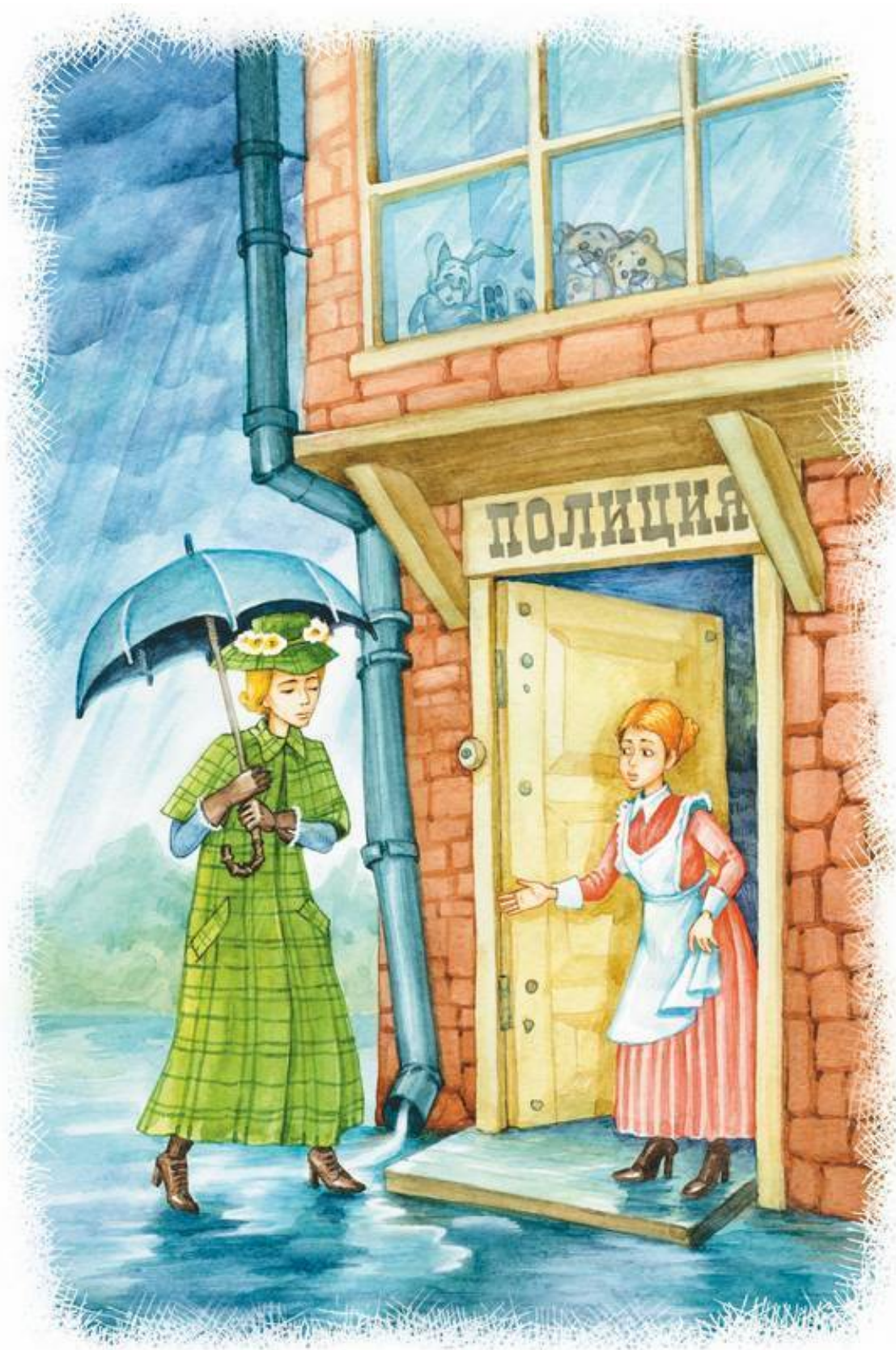
Alexander Associates Ltd. And Van Lear Agency

© Харченко В.В., ИД «ШКОЛА», иллюстрации, 2016

© Крупичева И.Ю., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава первая

Мистер Памфрит, худой молодой человек с очень добрыми карими глазами (мисс Мэнсис частенько говорила, что он выглядит задумчивым), служил констеблем в Литл-Фордэме.

«Иногда мне кажется, – делилась мисс Мэнсис с мистером Поттом, – что мистеру Памфриту не слишком нравится быть полисменом».

Жена констебля, невысокая и суетливая, была настолько же белокура, насколько он – темноволос. Все подоконники в их квартире над полицейским участком занимали плюшевые игрушки, потому что у них был младенец – очень крупный и спокойный.

Мисс Мэнсис обычно находила это умиротворяющим, но когда в этот особенный осенний день после полудня под моросящим дождем шла по дорожке к полицейскому участку, плюшевым мишкам со стеклянными глазами и вислоухим кроликам, смотревшим сквозь стекло, не удалось её успокоить. По какой-то причине её приход сюда, ещё два дня назад казавшийся единственным разумным и верным решением, вдруг перестал казаться ей и разумным, и верным. Поднимая руку к звонку, мисс Мэнсис почувствовала, что немного дрожит. Дорогой мистер Памфрит всегда был так добр к ней, и теперь она опасалась лишиться его уважения, но в том, что она намеревалась ему сказать, не было ни капли лжи или фантазии. Мисс Мэнсис расправила плечи, к ней вернулась толика прежнего мужества, и потянула за шнур звонка.

Дверь ей открыла миссис Памфрит, раскрасневшаяся и немного растрёпанная.

– О, мисс Мэнсис, входите, пожалуйста. Вы хотите поговорить с моим мужем?

В рабочем помещении полицейского участка возле печки стояла рама для сушки белья, и на ней висели полотенца, от которых шёл пар. Миссис Памфрит мгновенно сложила раму и, направляясь к межкомнатной двери, извинилась:

– Слишком много белья: вы уж простите...

– Ничего странного: пусть сушится здесь, – попыталась остановить её мисс Мэнсис, но миссис Памфрит уже вышла.

Мисс Мэнсис аккуратно сложила зонтик и поставила около печки, а когда протянула руки к огню и заметила, что они слегка дрожат, прошептала:

– О боже, боже...

Послышались шаги, и в комнату бодро вошёл констебль Памфрит, вытирая губы носовым платком: похоже, его потревожили в то время, когда пил чай. Мисс Мэнсис торопливо засунула руки глубоко в карманы и снова расправила плечи.

– Добрый день, мисс Мэнсис. Ужасная погода!

– Да, вы правы, – ответила она слабым голосом.

– Садитесь, прошу вас. Вот сюда, к огню.

Мисс Мэнсис молча села. Мистер Памфрит перенёс стул, стоявший у дальнего края письменного стола, поближе и присоединился к ней. Посетительница сидела молча, поэтому констебль добавил:

– Хотя к ужину, должно быть, разгуляется... увидим наконец голубое небо...

Снова повисло молчание. Мистер Памфрит повторил «к ужину», поспешно высморкался и, засовывая носовой платок в карман, непринуждённо добавил:

– Правда, фермерам такая погода нравится.

– О да, – поспешила согласиться мисс Мэнсис, – фермерам нравится...

Она облизала губы и посмотрела в добрые карие глаза констебля, как будто хотела узнать, станут ли они ещё добрее. В наступившей опять тишине появилась хлопотливая миссис Памфрит и поставила на табурет рядом с мисс Мэнсис чашку чая с молоком.

– О, как это мило! – воскликнула посетительница, а миссис Памфрит поспешила выйти.

Мисс Мэнсис задумчиво посмотрела на чай, взяла ложечку и, очень медленно его помешивая, наконец подняла глаза и ясным твёрдым голосом произнесла:

– Мистер Памфрит, я пришла заявить о пропаже, хотя, возможно, это кража.

Констебль приготовил блокнот, а мисс Мэнсис отложила ложечку и сжала руки на коленях. Её длинное худое, удивительно девичье лицо выглядело серьёзным. Мистер Памфрит снял колпачок с авторучки и замер в ожидании, пока она соберётся с мыслями.

– Вернее, о пропаже людей – так будет правильнее. Можно даже назвать этот случай похищением!

Констебль задумчиво посмотрел на неё, аккуратно постучав авторучкой по своей нижней губе, и предложил:

– А что, если вы просто расскажете, что случилось?

– У меня не получится просто рассказать, – сказала мисс Мэнсис, потом, немного подумав, добавила: – Вы знаете про игрушечный городок мистера Потта?

– Да, знаю, – кивнул мистер Памфрит. – Что-то вроде приманки для туристов. Поговаривают, что мистер Платтер из Уэнт-ле-Крейса тоже делает что-то подобное.

– Я слышала.

– Только у него городок будет более современным, так как он собирается сделать в это значительные вложения.

– И это мне тоже известно. – Мисс Мэнсис снова нервно облизала губы, мгновение помолчала, потом отважно продолжила: – Давайте всё же вернёмся к нашему городку: мистера Потта и моему. Вы же знаете, что мы с ним в некотором роде партнёры? Он делает всё, что касается домов, а я – людей, животных, птиц...

– Да, они прямо как живые! – с восторгом откликнулся констебль.

– Верно. – Мисс Мэнсис сильнее сжала пальцы. – Но, видите ли, не все фигурки сделала я: те, которые пропали, я не делала.

Мистеру Памфриту удалось сохранить на лице выражение озабоченности, когда он с облегчением выдохнул и коротко хохотнул:

– Ну, теперь понимаю: не хватает некоторых фигурок – так? А то я решил было, когда вы заговорили о похищении...

– Что я говорю о людях? – быстро проговорила мисс Мэнсис, глядя ему прямо в глаза. – Так и есть.

Мистер Памфрит сразу же стал очень серьёзным и занёс авторучку над блокнотом.

– Но это же совсем другое дело! Один человек или несколько?

– Несколько.

– Сколько же?

– Трое, семья: отец, мать и ребёнок.

– Фамилия? – спросил мистер Памфрит, торопливо записывая.

– Куранты.

– Куранты?

– Да, Куранты.

– По слогам, пожалуйста!

– Ку-ран-ты.

– Ах, Куранты! – Мистер Памфрит записал, прочитал написанное, и оно явно его удивило. – Занятие отца?

– Он по профессии сапожник.

– А сейчас?

– Думаю, что так и остался сапожником, хотя на жизнь зарабатывает не этим.

– Чем же?

– Я не думаю... что вы о таком слышали. Он добывайка.

Мистер Памфрит посмотрел на мисс Мэнсис без всякого выражения и спокойно возразил:

– Ну почему же – слышал.

– Нет, не в том смысле, о чём вы подумали, – поспешила объяснить мисс Мэнсис. – Это работа, очень редкая, но я всё же думаю, что её можно назвать занятием...

– Да, согласен с вами: именно это я и имею в виду. Думаю, что это действительно можно так назвать.

Мисс Мэнсис глубоко вздохнула и торопливо добавила:

– Мистер Памфрит, я должна вам всё объяснить. Думаю, вы не поняли: эти люди очень маленькие.

Констебль отложил авторучку и внимательно посмотрел ей в лицо своими добрыми карими глазами.

– Я их знаю? – Его голос звучал немного смущённо: какое отношение ко всему этому имеет их рост? – Они живут в деревне?

– Да, я уже говорила: они живут в нашем, мистера Потта и моём, городке, в макете игрушечного городка.

– В макете городка?

– Да, в одном из домиков – настолько они малы.

Взгляд мистера Памфрита буквально застыл.

– Насколько малы? – переспросил он в полном недоумении.

– Пять-шесть дюймов¹ или около того. Они очень необычные, мистер Памфрит, и их очень мало. Вот почему я думаю, что их украли. Люди могут продать такую маленькую семью, как эта, за большие деньги.

– Пять-шесть дюймов? – повторил констебль, совершенно сбитый с толку.

– Да... – Глаза мисс Мэнсис неожиданно наполнились слезами, и она принялась копаться в сумочке в поисках носового платка.

Мистер Памфрит долго молчал, потом, спустя некоторое время, всё же спросил:

– Вы уверены, что не делали их?

– Разумеется, уверена! – Мисс Мэнсис высморкалась. – Как я могла их сделать? Я же говорю вам: они живые.

Мистер Памфрит опять принялся постукивать ручкой по нижней губе, взгляд его сделался отстранённым.

Мисс Мэнсис промокнула глаза, подалась к нему и твёрдо проговорила:

– Мистер Памфрит, мне кажется, что мы друг друга не понимаем. Как бы мне всё вам объяснить?... Вы сами жили в разных домах. У вас никогда не возникало ощущения... впечатления, что, кроме людей, там живёт кто-то ещё?

Мистер Памфрит вообще перестал хоть что-то понимать. Что значит «живые», «люди», но не человеческие существа? Разве это не одно и то же?

– Ничего не могу сказать по этому поводу, – признался констебль так, словно извинялся.

– Но вы наверняка гадали, куда пропадают мелкие предметы. Ничего ценного, просто мелочи: огрызки карандашей, английские булавки, кнопки, пробки, коробочки из-под пилюль, иголки, катушки и всё тому подобное?

Мистер Памфрит улыбнулся.

– Мы обычно виним в этом нашего Альфреда, хотя никогда не даём ему играть с коробками из-под таблеток.

– Но, видите ли, фабрики в большом количестве продолжают выпускать иголки, ручки, промокательную бумагу, а люди всё это покупают. И всё равно под рукой в нужный момент

¹ 12–15 см. – Здесь и далее прим. ред.

никогда не оказывается английской булавки или палочки сургуча для запечатывания писем. Куда всё это пропадает? Я уверена, что и ваша жена часто покупает иголки или что-то в этом роде, и хотя все приобретённые ею иголки, по идее, должны лежать где-то в доме...

– Нет, в этом доме ничего подобного вроде бы не происходит.

– Да, в этом – нет, – согласилась с ним мисс Мэнсис. – Такое случается обычно в более ветхих домах, со щелями в полах, со старыми панелями на стенах. Добывайки живут в самых необычных местах, но большинство – за панельной обшивкой или даже под полом...

– Кто живёт? – спросил мистер Памфрит, будто услышал это слово впервые.

– Эти маленькие существа, о которых я пытаюсь вам рассказать...

– Вот как? Мне казалось, что речь идёт...

– Именно о них. Как я сказала, у меня их было трое. Мы сделали для них маленький дом. А теперь они исчезли...

– О да, понимаю... – Констебль снова постучал авторучкой по нижней губе, но мисс Мэнсис видела, что он не понимает ровным счётом ничего.

После короткой паузы мистер Памфрит, помимо своей воли, вдруг удивлённо спросил:

– А зачем им нужны все эти вещи?

– Они обставляют ими свои жилища. Добывайки могут найти применение чему угодно. Они очень сообразительные. Например, для этого маленького народца кусок толстой промокательной бумаги может стать отличным ковром, и его всегда можно обновить.

Промокательная бумага явно не соответствовала представлению мистера Памфрита об отличном ковре, и он снова погрузился в молчание, а мисс Мэнсис с отчаянием поняла, что запутала его ещё больше.

– Всё это не настолько необычно, как может показаться, мистер Памфрит. Ещё в далёкой древности было известно о «маленьком народце», как его называли наши предки. Здесь, на островах, сейчас много мест, где о нём говорят...

– И что, их можно увидеть? – спросил мистер Памфрит.

– Нет, их никто никогда не должен видеть. Всегда оставаться невидимыми для человека – их жизненно важный принцип.

– Почему?

– Они считают, что, если их увидят люди, это приведёт к гибели всего маленького народца!

– О господи! – После минутного раздумья констебль всё же рискнул спросить: – А как же вы? Вы ведь сказали, что видели их?

– У меня были особые привилегии, – уклончиво ответила мисс Мэнсис.

И снова наступила тишина. На лице констебля начало проступать беспокойство, да и посетительница почувствовала, что сказала слишком много. Их беседа становилась всё более напряжённой. Мистер Памфрит всегда её уважал, она ему нравилась. Как же направить разговор в менее опасное русло? Мисс Мэнсис решила не усугублять ситуацию и попытаться как-то разрядить атмосферу.

– Вам, мистер Памфрит, не стоит волноваться. Я не прошу вас нарушать инструкции и всё такое прочее. Я хочу лишь одного: будьте так добры всего лишь зарегистрировать моё заявление о пропаже, на тот случай, если они вдруг объявятся где-то в другом месте...

Констебль так ничего и не записал, закрыл свой блокнот и, натянув на обложку чёрную резинку, поднялся, как будто для того, чтобы было легче убрать блокнот в карман. Поймав удивлённый взгляд посетительницы, мистер Памфит пояснил:

– Я всё это запомню...

Мисс Мэнсис тоже встала и спросила:

– Возможно, вы хотите поговорить с мистером Поттом?

– Возможно, – осторожно ответил констебль.

– Он расскажет о них то же самое, что и я.

– Вы хотите сказать, – начал терять терпение констебль, – что мистер Потт тоже их видел?

– Конечно. Мы с ним говорили о маленьких существах.

Она вдруг неожиданно остановилась, поражённая пришедшей в голову мыслью. Что, если о маленьких существах говорила только она? Да и видел ли их мистер Потт? Оглядываясь назад, охваченная своего рода паникой, она никак не могла вспомнить, чтобы мистер Потт хоть раз подтвердил, что видел маленький народец. Она сама предупреждала, чтобы их не тревожили, чтобы позволили жить своей жизнью. Даже в тот единственный день, когда она уговорила его посидеть в засаде возле маленького домика, никто из добываек так и не появился, а мистер Потт, разомлев на солнышке, в конце концов заснул. Возможно, все эти месяцы мистер Потт никогда по-настоящему её не слушал, а просто подтрунивал над ней. Человек хороший и добрый, он был весь в себе, с собственными маниями.

Заметив, что мистер Памфрит всё ещё не сводит с неё своих добрых карих глаз, сейчас удивлённых, мисс Мэнсис коротко рассмеялась и, посмотрев на свои часы, торопливо сказала:

– Думаю, мне теперь лучше уйти. Меня ждут в церкви: надо помочь миссис Уитлейс с цветами.

Когда мистер Памфрит открывал перед ней дверь, она чуть коснулась его руки и напонила:

– Только заявление, мистер Памфрит, больше ничего. Или просто не забудьте об этом... Большое спасибо, что выслушали. Смотрите, дождь и правда перестал...

Мистер Памфрит постоял на пороге, глядя вслед мисс Мэнсис, которая уходила всё дальше по мокрому асфальту, длинноногая, какая-то вся угловатая, как девчонка. Сколько ей сейчас может быть? Сорок восемь? Пятьдесят? В глубоком раздумье он вернулся в дом и хотел было позвать жену, но передумал, подошёл к печке и уставился на огонь. Мыслями он был где-то очень далеко.

Потом, словно очнувшись, констебль достал блокнот, снял с него резинку и немного подумал, уставившись на почти чистую страницу. Наконец, будто на что-то решившись, он лизнул кончик карандаша и написал: «3 октября 1911 года», – затем, лизнув ещё раз, густо подчеркнул написанное и добавил: «Мисс Мэнсис». Подумав, что бы ещё написать, мистер Памфрит решил просто поставить знак вопроса.

Мисс Мэнсис шла по тропинке к церкви, прикрываясь зонтиком, словно пыталась скрыть своё смущение. Из головы у неё не выходил маленький народец (Ну конечно же, народец! Они люди: Под, Хомили, Арриэтта – только очень маленькие), для которого она создала дом (безопасный, как она думала) в игрушечном городке мистера Потта. Пода и Хомили она видела лишь издалека, когда сидела, притаившись, за пышным кустом чертополоха, но Арриэтта – бесстрашная, с ясными глазами Арриэтта – стала ей почти подругой. А ещё был Спиллер, но о нём мисс Мэнсис только слышала, но никогда не видела. Его вообще никто не мог увидеть, если он сам того не захочет. Спиллер был мастер прятаться: мог слиться с любым фоном; оказаться рядом, когда думаешь, что он далеко; появиться, когда его меньше всего ждёшь, и так же быстро исчезнуть. Она знала, что он одиночка, а для того чтобы добывать, построил барку из старого деревянного ящика для столовых приборов, законопатив щели сухим льном и пчелиным воском. Для более коротких путешествий он использовал крышку от старой железной мыльницы... Всё это ей рассказала Арриэтта – она вообще много говорила о Спиллере, – и теперь мисс Мэнсис поняла, почему Хомили его недолюбливала: считала грязнулей, – а для Арриэтты он был воплощением свободы и воли.

Мисс Мэнсис вздохнула и с надеждой подумала, что, возможно, Спиллер их найдёт... где бы они ни были.

Глава вторая

Когда мисс Мэнсис вошла в церковь, миссис Уитлейс и леди Маллингс как раз пили чай в ризнице.

– Простите за опоздание, – поспешила сказать мисс Мэнсис, вешая на вешалку свой макинтош.

– Не беспокойтесь, моя дорогая, – успокоила её леди Маллингс. – Сегодня почти нечего делать, только если воду сменить. Берите стул и садитесь. Миссис Уитлейс испекла ячменные лепёшки.

– Восхитительно! – покрасневшая после прогулки, воскликнула мисс Мэнсис, усаживаясь между дамами.

Леди Маллингс, внушительных габаритов дама, давно вдовствовала и жила одна: двое сыновей погибли во время бурской войны. Нежное печальное лицо, прикрытое любимой ею вуалью, всегда было сильно напудрено (привычка, которую в те дни считали достаточно суетной), да и капелькой помады она явно не пренебрегала, хотя наверняка сказать не мог никто.

Леди Маллингс была сама доброта, а несколько лет назад даже вылечила мисс Мэнсис поражённое артритом бедро. И помогла леди Маллингс не только мисс Мэнсис: очень многих она лечила молитвами и наложением рук – но никогда не ставила это себе в заслугу. «Что-то или кто-то действует через меня, – говаривала она, – я всего лишь посредник». Умела она также, как неожиданно вспомнила мисс Мэнсис, находить пропавшие вещи. Вернее, она видела внутренним взором то место, где пропавший предмет находится.

Как-то к ней обратилась миссис Крабтри, у которой пропало кольцо. «Я вижу его в тёмном месте, – сказала леди Маллинг. – Оно лежит как будто в грязи... нет, это скорее джем... Теперь что-то двигается... Да, это паук. А теперь я вижу воду... Ох, бедный паук!» Кольцо нашли в S-образной сливной трубе под раковиной.

– Я специально сегодня пришла немного раньше, – говорила между тем леди Маллингс, взяв свои перчатки, – и, боюсь, должна сейчас уйти, потому что кое-кто собирается нанести мне визит в шесть тридцать... Похоже, кое у кого неприятности, так что мне лучше поспешить. Ах, батюшки мои, что же делать со всеми этими чашками и тарелками...

– О, не беспокойтесь: я этим займусь, – заверила мисс Мэнсис. – Да и миссис Уитлейс поможет, если что... Не правда ли, миссис Уитлейс?

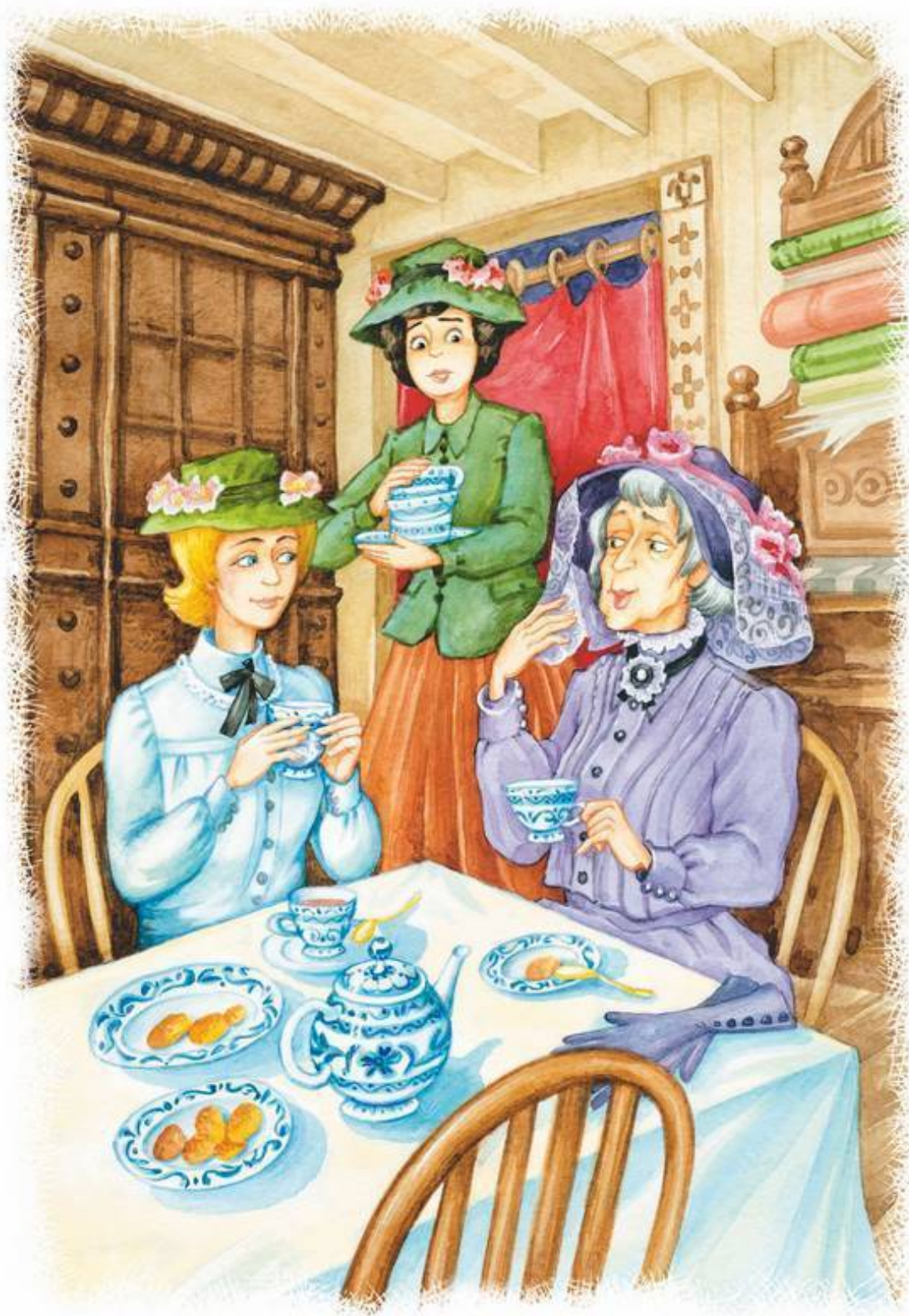
– Разумеется, помогу! – воскликнула та, вскакивая со своего места.

Она начала собирать тарелки, и мисс Мэнсис вдруг почувствовала, что улыбается, несмотря на все свои нынешние тревоги. Почему, подумалось ей, миссис Уитлейс всегда кажется такой счастливой? Ну, положим, не всегда, но большую часть жизни...

Мисс Мэнсис очень тепло относилась к Китти Уитлейс, которая до замужества была О'Донован. Она приехала из Ирландии в возрасте пятнадцати лет и работала на кухне в Фэрбанкс-Холле – в «добрые старые времена», как они теперь говорили. Поначалу она тосковала по дому и чувствовала себя одиноко, но её обаяние и желание угодить постепенно покорили старую мрачную кухарку миссис Драйвер. Спустя несколько лет то же самое обаяние поразило и сердце Берти Уитлейса, помощника садовника. Позже Уитлейс отказался от этого места и перешёл к приходскому священнику, где стал главным и единственным садовником. После свадьбы Китти последовала за ним, и её взяли в тот же самый старый дом прислугой, но она должна была выполнять обязанности и кухарки, и горничной.

К сожалению, теперь дом приходского священника пустовал, но Уитлейсы по-прежнему жили там на положении сторожей. Дом эпохи Тюдоров был внесён в реестр как объект исторической ценности, чтобы приход сохранял его, как и церковь с её знаменитой крестной перегородкой, отделявшей клирос от нефа. Мистер Уитлейс именовался теперь церковным служи-

телем, а миссис Уитлейс – уборщицей в церкви. Они очень счастливо жили в пустом старом доме – вернее, в пристройке с кухней, которая была больше похожа на коттедж.

В дальнем углу ризницы была раковина, чтобы брать воду для цветов. Пока мисс Мэнсис наполняла помятый чайник, стоявший обычно на сушилке, зажигала проржавевшую газо-

вую плиту, установленную ради безопасности на камнях, ей в голову неожиданно пришла мысль: а может, довериться леди Маллингс, обладающей способностями находить пропажу, и не опасно ли это... Ожидая, пока закипит вода, и продолжая размышлять, она перемыла вазы холодной водой. Решение показалось ей разумным, но как объяснить леди Маллингс, кто такие добывайки? Мистер Памфрит определённо счёл её сумасшедшей. Ну, может, не совсем сумасшедшей, хотя явно был озадачен. Интересно, что он сказал жене? Миссис Памфрит до этого дня считала мисс Мэнсис – и она знала об этом – очень уважаемым членом деревенской общины. И всё же, всё же... всегда ли стоит делать всё возможное?

Может, думала мисс Мэнсис, вытирая насухо фаянсовую посуду, они все немного тронутые? Леди Маллингс с её «озарениями», мистер Потт со своим игрушечным городком, она сама с добывайками... Даже разумная миссис Уитлейс, выросшая на дальнем берегу Уэст-Корка, случается, рассуждает о феях, хотя обычно добавляет: «Сама я никогда их не видела, но они всюду, особенно с наступлением ночи. И если вы, скажем, их обидите, то они способны на любую гадость».

– Я пойду с вами в деревню, – сказала Китти, подойдя к мисс Мэнсис. – Уитлейс ждёт свою вечернюю газету.

Миссис Уитлейс всегда величала своего мужа «Уитлейс»: под этим именем его знали и в Фэрбанксе. Сразу после свадьбы она несколько раз попыталась назвать его «Берти», но имя как-то не прижилось. Его всегда называли «Уитлейс», им он и останется.

– Отлично, – сказала мисс Мэнсис и, накрыв кувшин с молоком небольшим куском сетки с голубыми бусинами по краю, поставила в миску с холодной водой.

Молоко предназначалось для лёгкого завтрака миссис Уитлейс в одиннадцать часов, после того как закончит уборку.

Китти собрала мусор, оставшийся от цветов, в корзинку для бумаг, туда же отправилась и недоеденная ячменная лепёшка. Всё это она вынесет в большой мусорный бак на следующее утро. Подровняв стопку сборников церковных гимнов, лежавших на фисгармонии, на которой никто не играл, Китти подошла к шкафчику, в котором стояли потиры, подсвечники и поднос для пожертвований, убрала сахарницу, потом заперла на ключ великолепный дубовый буфет и закрыла на замок дверь ризницы.

Пока шагали по проходу, чтобы выйти через главный вход, мисс Мэнсис в который раз поражалась, с какой точностью мистер Потт показал в своей копии красоту маленькой церкви, которую сделал для своего игрушечного городка. Он сумел передать даже то, как падает свет через замысловатый узор на резной крестной перегородке, создавая рисунок на светлых плитах центрального прохода. Их шаги гулким эхом отдавались в тишине, дверь громко скрипнула, когда они её открыли, а потом лязгнула, когда закрыли. Этот звук пронёсся по нефу. Даже скрежет повернувшегося в замочной скважине ключа как будто раздражал тишину.

Прежде чем дошли до крытого прохода на кладбище, на них упали первые капли дождя. Миссис Уитлейс замедлила шаг, коснувшись рукой своей новенькой соломенной шляпки, украшенной бархатными фиалками, и воскликнула:

– Мой зонтик! Я оставила его в ризнице!

Выбрав ключ от ризницы среди множества других на связке, она поспешила обратно в церковь.

– Я подожду вас здесь, у входа на кладбище, – крикнула ей вслед мисс Мэнсис.

Дождь усилился, и мисс Мэнсис встала под соломенную крышу прохода на кладбище, порадовавшись такому убежищу. Глядя, как на изрытой колеями лужайке собираются озёрца воды, она думала, как начать весьма необычный разговор с леди Маллингс. Ей не хотелось снова выдать себя, как случилось в беседе с мистером Памфритом, но она знала, что должна принести леди Маллингс какую-то вещь, принадлежавшую добывайкам, чтобы активировать её дар. Разумеется, она не может принести одежду: это сразу вызовет подозрения, а леди Мал-

лингс наверняка примет её за наряды для кукол. Нет, она должна принести такую вещь, которой мог бы пользоваться и человек. Мисс Мэнсис вдруг подумала о постельном белье: простыни добываек могли сойти за обычные носовые платки (одна простыня, насколько она помнила, действительно была носовым платком). Да, именно её она и возьмет. Но следует ли ей вообще идти? Разумно ли это? Честно ли по отношению к леди Маллингс обращаться к ней за помощью и утаивать так много необходимой информации? Но если она расскажет обо всём, то не предаст ли она этим, сама того не желая, свой маленький народец? Да и поверит ли ей леди Маллингс? И не увидит ли она после своего рассказа на лице леди Маллингс такое же странное озадаченное выражение, какое было на лице мистера Памфрита? Нет, подумала мисс Мэнсис, это было бы невыносимо. Если же предположить, что леди Маллингс всё-таки поверит ей, не станет ли она слишком активной, слишком восторженной, слишком... посвящённой? А ведь поиск добываек, ради их же блага, должен быть спокойным, методичным и тайным!

Мисс Мэнсис вздохнула и посмотрела на церковь. С её места под крытым проходом на кладбище дверь ризницы, в отличие от главного входа, была не видна. Миссис Уитлейс явно не торопилась. Не проскользнула ли она через маленькую плетёную калитку прямо в дом приходского священника? Возможно, она оставила свой зонтик там? Ах, вот и она наконец...

Миссис Уитлейс торопливо шла по дорожке и казалась немного огорчённой. Зонтик слегка покачивался в такт её быстрым шагам. Когда она подошла к мисс Мэнсис, то не открыла калитку, но закрыла зонтик и посмотрела прямо ей в лицо.

– Сейчас кое-что произошло, что вам могло бы показаться странным.

Мисс Мэнсис заметила, что обычно розовое лицо Китти странно побледнело.

– Что случилось, миссис Уитлейс?

– Ну... – Китти Уитлейс замялась. – Я хочу сказать... Вы не сочтёте меня странной?

– Что вы – нет, конечно! – заверила её мисс Мэнсис. – Ни в коем случае! (Только если речь не пойдёт о феях, вдруг пришлось ей на ум.)

– Я могла бы поклясться чем угодно, что в церкви никого не было, когда мы оттуда уходили...

– Да, вы совершенно правы.

– Но когда я повернула ключ в замке и стала открывать дверь, оттуда послышались голоса...

– Голоса? – медленно повторила мисс Мэнсис и на мгновение задумалась. – Галки на колокольне иногда устраивают страшный шум. Возможно, именно их вы и слышали.

– Нет, голоса доносились из самой ризницы. Я стояла у двери очень тихо. И кто-то как будто что-то сказал. Очень отчётливо. Вы же знаете, как звуки разносятся в церкви...

– И что же, как вам показалось, сказал этот голос? – спросила мисс Мэнсис.

– Он сказал: «Что?»

– «Что?» – повторила мисс Мэнсис.

– Да, именно так.

– Как странно...

– И занавеси, ну вы знаете, между ризницей и часовней Богородицы, слегка шевелились, словно кто-то их трогал. А потом ещё бумага шуршала. Или что-то в этом роде.

– Может, это всего лишь сквозняк... – предположила мисс Мэнсис.

– Может быть, – неуверенно произнесла миссис Уитлейс. – Как бы там ни было, я как следую осмотрела всю церковь, кроме колокольни, потому что то, что я слышала, было довольно близко и не могло доноситься с колокольни.

– Вам следовало сразу вернуться ко мне, и мы бы вместе разобрались.

– Я подумала о мышах: шуршала бумага и всё такое, – и проверила корзинку с мусором.

– Но в этой церкви действительно есть мыши, вы же знаете, – сказала мисс Мэнсис. – Полёвки. Они приходят из высокой травы с церковного двора. Вы помните праздник урожая?

– Тогда это слишком крупные мыши, – усомнилась миссис Уитлейс. – Я выбросила в корзинку вместе с мусором остатки ячменной лепёшки. Всё было там, кроме лепёшки, – от неё не осталось ни крошки.

– Вы хотите сказать, что она исчезла?

– Именно так.

– Вы уверены, что выбросили её в корзинку?

– Как в том, что я стою сейчас здесь!

– Тогда это и в самом деле странно, – согласилась мисс Мэнсис. – Если хотите, можем вернуться туда и ещё раз всё осмотреть. Или стоит позвать мистера Памфрита...

Мисс Мэнсис почувствовала, что лицо вспыхнуло, стоило произнести это имя, и тут же вспомнилась недавняя неловкая ситуация, в которой она оказалась. Нет, не стоит, учитывая обстоятельства, пока обращаться к нему за помощью.

– Знаете, что я думаю, миссис Уитлейс? – сказала мисс Мэнсис после недолгого молчания. – После той кражи подсвечников в алтаре, которые, как выяснилось, были куда более ценными, чем все думали, мы стали немного нервными. Не встревоженными, нет, просто нервными, а в таком состоянии порой кажется, что и вещи говорят, – я имею в виду неодушевлённые предметы. У меня давным-давно был лобзик, который, когда я им пользовалась, издавал звуки, похожие на сочетание слов «бедный Фредди». Невозможно было ошибиться. «Бедный Фредди, бедный Фредди...» Это было жутковато. А ещё был кран, откуда капала вода и вроде бы приговаривала: «Но это... но это...» – с жутким ударением на «это». Я что хочу сказать: кран в ризнице, тот, что над мойкой, вполне мог издавать похожие звуки.

– Возможно, – не очень убедительно согласилась Китти, снова открывая свой зонтик и хмурясь. – Что ж, прошу прощения, мисс, но нам лучше поторопиться: Уитлейс ждет свой чай.

Позже тем же вечером, после чая, когда муж устроился у печки с вечерней газетой, Китти рассказала ему эту историю, на этот раз не упустив ни одной подробности, так как муж едва слушал её, углубившись в изучение ставок на скачках, и можно было свободно поразмышлять вслух.

– Я ей сказала, – с тревогой в голосе и некоторой обидой поведала Китти, – что слышала, как будто кто-то спросил: «Что?», – но не сказала – потому что никто, и меньше других ты, Уитлейс, не станет отрицать, что я хорошая кухарка, а, как ты иногда говоришь, хорошего много не бывает, – что ответил другой голос.

– Какой другой голос? – рассеянно спросил мистер Уитлейс.

– Ну я же говорила, что слышала голоса, а не голос.

– Так что же он сказал? – поинтересовался мистер Уитлейс, откладывая газету.

– Он сказал: «Опять ячменные лепёшки...»

В феврале мисс Мэнсис уехала погостить к своей сестре в Челтнем, а когда вернулась – 2 марта, – увидела, что мистер Потт всюю готовится к летнему сезону в своём игрушечном городке. Зимние снегопады немного повредили маленькие домики, поэтому мисс Мэнсис взялась помогать ему всё исправить, и на это уходило почти всё её время.

Как только вышла в сад, она первым делом подошла к домику добываек, сняла с него крышу и с грустью заглянула внутрь. Там было сыровато, и мисс Мэнсис, чтобы предотвратить новое наводнение и отвести дождевую воду, скопившуюся в лужах на большинстве миниатюрных дорог, выкопала крошечный канал. Если её добывайки когда-нибудь вернуться, они должны найти свой игрушечный домик таким же аккуратным и сухим, каким его оставили. Это самое меньшее, что она может сделать. Крышу, которую она вернула на место, выглядела надёжной и крепкой. Да, она сделала всё, что могла: даже заявила о пропаже в полицию, поставив себя в неловкое положение. И это, вероятно, было самым мучительным испытанием из всех!

К середине марта, несмотря на несколько дождливых дней, игрушечный городок уже почти приобрёл свой привычный вид. Как только мисс Мэнсис почистила домик добываек, ей больше не приходило в голову снова туда заглянуть. Он так давно пустовал. А если они хотят открыть городок для посетителей на Пасху, то у неё оставалось ещё много дел. Надо было изготовить новые фигурки, переодеть старые, подвижной состав смазать маслом и покрасить, починить крыши, выполоть сорняки в садах... Мистер Потт очень умно придумал эти дренажные трубы, и вся вода теперь сливалась в один ручей. Мисс Мэнсис особенно гордилась своими дубами – толстыми стеблями кудрявой петрушки, которые она окунула в клей и покрыла лаком.

Именно мисс Мэнсис убедила мистера Потта поставить забор из колючей проволоки вдоль берега реки. У неё не было сомнений: тот, кто похитил добываек, подошёл к игрушечному городку со стороны реки.

– Мне это кажется бессмысленным, – запротестовал мистер Потт, – раз их теперь нет...

И всё-таки он вбил столбы и надёжно натянул на них проволоку. Пусть сам никогда до конца в добываек не верил, мистер Потт понял, хотя и не сказал об этом, что история об этом народце очень много значит для мисс Мэнсис.

Итак, долгая зима прошла, и наконец-то дала о себе знать весна. Надо добавить, что оказалась она весьма странной для всех, о ком говорится в истории...

Глава третья

Супруги Платтер, Сидни и Мейбл, сидели напротив друг друга за столом в кухне своего Беллихогина, в Уэнт-ле-Крейсе, явно пребывая в состоянии шока: дар речи словно покинул их, и они просто молча таращились один на другого.

Мистер Платтер, строитель и декоратор по профессии, иногда – при определённых обстоятельствах – устраивал ещё и похороны для состоятельных местных жителей. Сухое морщинистое лицо придавало ему сходство с крысой, а очки без оправы отражали свет, поэтому глаз его никто никогда не видел. Миссис Платтер, дама внушительных габаритов, обладала тяжёлым рыхлым лицом какого-то странного бежевого оттенка.

На столе перед ними в ряд стояли три блюдечка с чем-то остро пахнущим и липким, похожим на переваренный рис, но миссис Платтер называла это «кеджери»².

После очень долгого молчания мистер Платтер наконец заговорил: медленно, обдумывая каждое слово, – своим сухим, холодным, скрипучим голосом:

– Я разберу весь этот дом по кирпичику, даже если придётся нанять для этого пару рабочих!

– Ох, Сидни! – с трудом выдавила миссис Платтер, и по её отвисшим щекам покатались две крупные слезы, которые она вытерла чайным полотенцем, и руки её при этом дрожали.

– По кирпичику, – повторил мистер Платтер.

Теперь миссис Платтер могла увидеть глаза мужа: круглые и жёсткие, как голубая галька.

– Ох, Сидни! – повторила миссис Платтер, сжимая в руках полотенце.

– Это единственный выход.

Миссис Платтер закрыла лицо чайным полотенцем и разрыдалась:

– Это самый красивый дом из всех, что ты построил... И он наш, Сидни.

– Если подумать о том, что поставлено на карту... – каменным голосом продолжил мистер Платтер, даже, казалось, не замечая слёз жены. – У нас в руках целое состояние. Состояние!

– Да, Сидни, ты прав...

– Что дома! – воскликнул мистер Платтер. – Мы могли бы построить любые: больше и лучше, такие, о каких ты даже не мечтала! – стоит только захотеть. Мы могли бы показывать этих человечков по всему миру. И за любые деньги! Но они исчезли!

Его зрачки сузились до размера булавоочной головки, и миссис Платтер не на шутку перепугалась:

– Я не виновата в этом, Сидни!

– Это уже не важно, Мейбл, но факт остаётся фактом: они исчезли!

– Это ведь я надоумила тебя их украсть!

– Да, и храбро помогла мне в этом, но мы совершили уголовное преступление. И вот теперь кто-то украл их у нас.

– Но никто не знал, что они здесь, ни одна живая душа, кроме нас. – Миссис Платтер насухо вытерла лицо чайным полотенцем. – А мы всегда поднимались в мансарду вместе – ведь так? – чтобы проверить, заперта ли дверь, на тот случай, если один из нас забудет. Снизу на дверь ты сам прибил кусок железа, чтобы они не смогли прогрызть...

– Окно было открыто, – прервал её словесный поток мистер Платтер.

– Да как могли такие крохи его открыть-то?

– Верёвка, ворот и всё такое... – Немного подумав, он покачал головой: – Нет, кто-то ведь должен был принести лестницу... им наверняка помогли...

² Индийское блюдо наподобие плова с копчёной рыбой и яйцом.

– Но никто не знал, что они здесь, никто! И когда мы принесли им овсяную кашу, все были на месте, ты сам видел. Что скажешь на это? Ну кто мог принести им лестницу средь бела дня? Нет, Сидни, если хочешь знать моё мнение, они не могли далеко уйти, с этими их короткими ножками...

– Им наверняка кто-то помог, – твердил своё мистер Платтер.

– Но их никто даже не видел... – Миссис Платтер вдруг замаялась. – Разве что...

– Да, именно об этом я и говорю.

– Ты имеешь в виду эту мисс Мэнсис – или как бишь её там – и Эйбла Потта? Не могу себе представить даже, как бы он карабкался по лестнице со своей деревянной ногой, да и эта мисс не из тех, кто упражняется подобным образом. А кроме того, откуда им было знать, что искать надо именно здесь?

– Наверняка не обошлось без леди Маллингс из Фордэма. Ты слышала о ней?

– Не думаю... – сказала миссис Платтер, но через мгновение воскликнула: – Ой нет, просто запамятовала! Ты ведь перекрывал крышу в её доме, верно?

– Именно. Она вроде как ясновидящая.

– Ясновидящая?

– Ну да, умеет находить пропавшие вещи. Как будто видит, где надо искать. Говорят, будто благодаря ей нашлось кольцо миссис Крабтри, а ещё поймали воров, которые унесли подсвечники...

– Какие подсвечники?

– Те, серебряные с позолотой, из нашей церкви. Леди Маллингс как будто увидела их в лавке ростовщика рядом с двумя фарфоровыми собачками и назвала адрес и всё такое. Там они и оказались. Представляешь?

– Да, верится с трудом... – медленно проговорила миссис Платтер и, помолчав в задумчивости, предложила: – А не подняться ли нам наверх ещё раз, чтобы осмотреть там всё снова? Мы не должны терять надежду.

– Мейбл, – бросил взгляд на часы мистер Платтер, – мы ищем их уже четыре часа тридцать пять минут. И никаких следов. Если они всё ещё в этом доме, то могут быть где угодно: в стенах, под полом... Помнишь ту доску на полу в мансарде, которую я потом прибил?

– Отодвинув которую они могли заглядывать в нашу спальню? Да, помню.

– Ну вот видишь, – сказал мистер Платтер, как будто это всё объясняло. – А если говорить о домах, то самым лучшим домом из всех, что я построил, был тот, со стеклянной стеной, что я сделал для них в нашем игрушечном городке. Сколько я с ним возился, сколько возился! Лестницы, вентиляция, водостоки, мебель, настоящий ковёр, электрический свет... А эта передняя стеклянная стенка, которую можно было поднимать, чтобы убрать внутри... Он выглядел совсем как настоящий дом, хотя – в том-то была и штука – в нём не было ни одного уголка, где они смогли бы спрятаться так, чтобы публика их не видела, что днём, что ночью...

– По ночам посетителей не бывает, Сидни.

– Это было бы не только летним развлечением для туристов, детка: не то что «Чай на берегу реки» или игрушечный городок Потта, – и посетители могли бы наблюдать за ними вечерами, зимними вечерами, – сказал мистер Платтер. – И вот теперь этот идеальный мини-атюрный дом стоит на верстаке, закрытый простынёй.

Голос мистера Платтера, полный отчаяния, сорвался, и в кухне повисла мрачная тишина. Через некоторое время миссис Платтер сказала:

– Я вот о чём подумала, Сидни... Перед тем как начнёшь разбирать наш дом по кирпичику, как ты сам сказал, неплохо было бы заглянуть к Эйблу Потту...

– В игрушечный городок?

– Да, ведь они наверняка туда и направились, разве нет?

– Возможно. Тебе пришла в голову отличная идея! При их скорости им на это понадобится не меньше недели.

– Вот и хорошо. Пусть они там устроятся и почувствуют себя в безопасности.

– Да, тут ты права. – Мистер Платтер на мгновение задумался. – Но с другой стороны...

– Что, Сидни? – удивилась миссис Платтер, заметив улыбку на обычно непроницаемом лице мужа.

- Ведь у нас же есть ялик, верно? А что, если нам опередить их, устроить там засаду?
- Что, сейчас?

Улыбка вмиг исчезла, и мистер Платтер раздражённо сказал:

- Не сейчас, не сию минуту: как я уже сказал, им потребуется время, чтобы туда добраться, – а, скажем, завтра или послезавтра...

Глава четвёртая

Хомили в четвёртый раз за вечер воскликнула:

– Ума не приложу, куда мог отправиться твой отец! – Они с Арриэттой сидели в гостиной у камина, но огонь в нём не горел. – Спиллер сказал, что нашёл какое-то место...

Хотя через крошечные стеклянные створки окна они могли видеть аккуратные крыши игрушечного городка мистера Потта, серый сумрак украл все краски в их ярком и хорошеньком, словно игрушка, доме. Только был ли это их дом, миниатюрное творение мистера Потта? Скорее убежище после долгой тёмной зимы в мансарде у Платтеров.

Арриэтта посмотрела на аккуратно связанные свёртки, сложенные у дальней стены, и сказала:

– Когда они вернутся, мы будем готовы.

Им было здесь хорошо, пока их не похитили Платтеры, но всё равно чего-то не хватало. Пожалуй, слишком уж тут всё было комфортабельным, и в каком-то смысле не хватало свободы. Всё было под рукой, всё предусмотрено, а добывайки привыкли придумывать и делать всё сами. Всё было устроено с добрыми намерениями, но в соответствии с чужими вкусами.

– Когда же они наконец вернутся? Их нет уже два дня!

– Возможно, это добрый знак, – заметила Арриэтта. – Вполне вероятно, они нашли для нас жильё.

– Как жаль, что старая мельница оказалась ни на что не годной! Но в любом случае мы не могли бы прожить на одной кукурузе.

– Мельник вон тоже не смог... – вздохнула Арриэтта.

– Вроде бы он свалился откуда-то... И ещё там крысы.

– Спиллер обязательно что-нибудь для нас найдёт, – заверила мать Арриэтта.

– Но где? И что это будет за место? То есть я хочу сказать, что там должны быть люди, потому что без их припасов нам нечем будет жить! И плыть на барке я не согласна! Но вдруг с ними что-то случилось! А что, если их снова схватили Платтеры?

– Мама, ну как ты не понимаешь! – Арриэтта вскочила с места, подбежала к окну и устремила взгляд куда-то вдаль, на темневшее небо, так что Хомили не могла видеть её лица. – Это мы с тобой, сидя в этом игрушечном городке, именно там, откуда нас похитили Платтеры, подвергаемся куда большей опасности, чем папа и Спиллер.

– Там вдоль реки протянута колючая проволока, – растерянно напомнила Хомили.

– Вряд ли для них это проблема, – возразила Арриэтта. – У людей есть специальные ножницы для проволоки. И если ты хочешь забрать все наши вещи, нам придётся передвигаться по воде.

– На этом ужасном ящике для столовых приборов? А что, если он утонет? Вы с отцом умеете плавать, но что буду делать я?

– Мы тебя вытащим, – пообещала Арриэтта и терпеливо объяснила: – Но до сих пор барка Спиллера не тонула ни разу.

Её не удивило такое настроение матери. В конце концов, Хомили немало понервничала и во время полёта на самодельном воздушном шаре, и при путешествии на барке, не говоря уже о том, что проявила просто чудеса отваги в чайнике. Да, она очень беспокойная, но в критических обстоятельствах всегда держится стойко.

– Спиллер обязательно что-нибудь для нас найдёт, – повторила Арриэтта. – Я уверена. И, возможно, новое жильё будет лучше этого...

– А мне здесь нравилось... – Хомили обвела взглядом комнату и обхватила себя за плечи. – Как бы мне хотелось разжечь огонь...

– Но мы не можем! – воскликнула Арриэтта. – Кто-нибудь увидит дым... Мы обещали папе!

– Или включить свет, – добавила Хомили, словно и не слышала дочь.

– О, мама! Это было бы безумием! Ты и сама это знаешь...

– Или поесть чего-нибудь посущественнее орехов Спиллера...

– Мы были рады и этому, – с укором сказала Арриэтта.

– Они такие старые, что уже потрескались, – заявила Хомили.

Арриэтта промолчала: для неё не были новостью подобные жалобы – и, возвращаясь к своему стулу, так как в комнате постепенно становилось всё темнее, подумала, что, возможно, в глубине души мать куда лучше понимает необходимость столь поспешного переезда, чем делает вид. По меньшей мере трое человек, а может быть, и больше, знали, что они здесь были, а потом исчезли, но никто пока не знал об их возвращении.

Именно поэтому Под запретил им включать свет или разжигать огонь и велел держаться подальше от окон, а в дневное время – выходить из домика, поэтому время, когда Под и Спиллер отсутствовали, тянулось бесконечно. Был конец марта, и прошло три дня после их драматического бегства из мансарды Платтеров на самодельном воздушном шаре. Оглядываясь назад, Арриэтта теперь понимала, насколько чудесным было их спасение. Усевшись на свой стул и подтянув к груди ноги, она обхватила их руками, положила голову на колени и подумала: «Почему в марте с нами всегда что-то случается?» Вместе с матерью она собирала вещи, что оказалось не так-то легко. Надо было снять постельное бельё, свернуть матрацы, сложить раскладные кресла, потом связать вещи в тюки, причём так, чтобы всё поместилось в барке Спиллера. Они обе совершенно вымотались, а Под и Спиллер всё ещё не вернулись.

Арриэтта вспомнила лицо отца, когда они вернулись в домик: он оглядел чистенькую комнатку с её кукольной мебелью и отполированным деревянным полом, посмотрел на лампочку от карманного фонарика, свисавшую с потолка, и уныло пожал плечами. Лампочку можно было включать и выключать, и это значило для Пода больше, чем любая другая придумка мисс Мэнсис. («Умно... Знаешь ли, она молодец».) Как бы ему хотелось самому додуматься до этого! Он тогда тихонько вздохнул, плечи его поникли. Нет, не только отцу, им всем было нелегко.

– Слышишь? – вдруг шёпотом спросила Хомили.

Арриэтта осторожно, чтобы не скрипнул стул, выпрямилась и затаила дыхание. Раздался еле слышный скрип двери, похожий на дуновение ветра, и наступила тишина... Это мог быть кто угодно: и мышь-полёвка, и жук или даже уж.

Хомили бесшумно поднялась со стула и растаяла в тени около порога – Арриэтта едва различала её согнутый силуэт, – наконец прошептала еле слышно:

– Кто там?

– Я, – ответил знакомый голос.

Когда Хомили открыла дверь, в комнату ворвался ветер, наполненный ароматами весеннего вечера, и на фоне бледного неба они ясно увидели силуэт Пода.

Хомили резко потянула мужа за руку и уже внутри, подтолкнув ему собственный стул, засыпала вопросами:

– Ну что, какие новости? Где Спиллер? Вы нашли что-нибудь? Что с тобой? Ты выглядишь не лучшим образом...

– Я совсем без сил, – подтвердил Под, со вздохом положив свой мешок добывайки на пол, в котором что-то было, как заметила Арриэтта, но не очень-то много. – Мы ходили-ходили, лазали-лазали... Это так выматывает. Не найдётся ли у нас капельки чего-нибудь?

– Есть немного чайных листьев, а воду можно согреть на свече. – Хомили торопливо подошла к узлам. – Если, конечно, я найду их.

– А чего-нибудь покрепче нет? – спросил Под.

- Может, терновый джин? – спросила Хомили. – Хотя ты его не любишь...
- Сойдёт и джин.

Хомили наполнила половинку ореховой скорлупки и принесла мужу, хотя не одобряла подобную «заботу» о них мисс Мэнсис, их поставщика провизии.

Под медленно отпил глоток джина, и на его лице появилась блаженная улыбка.

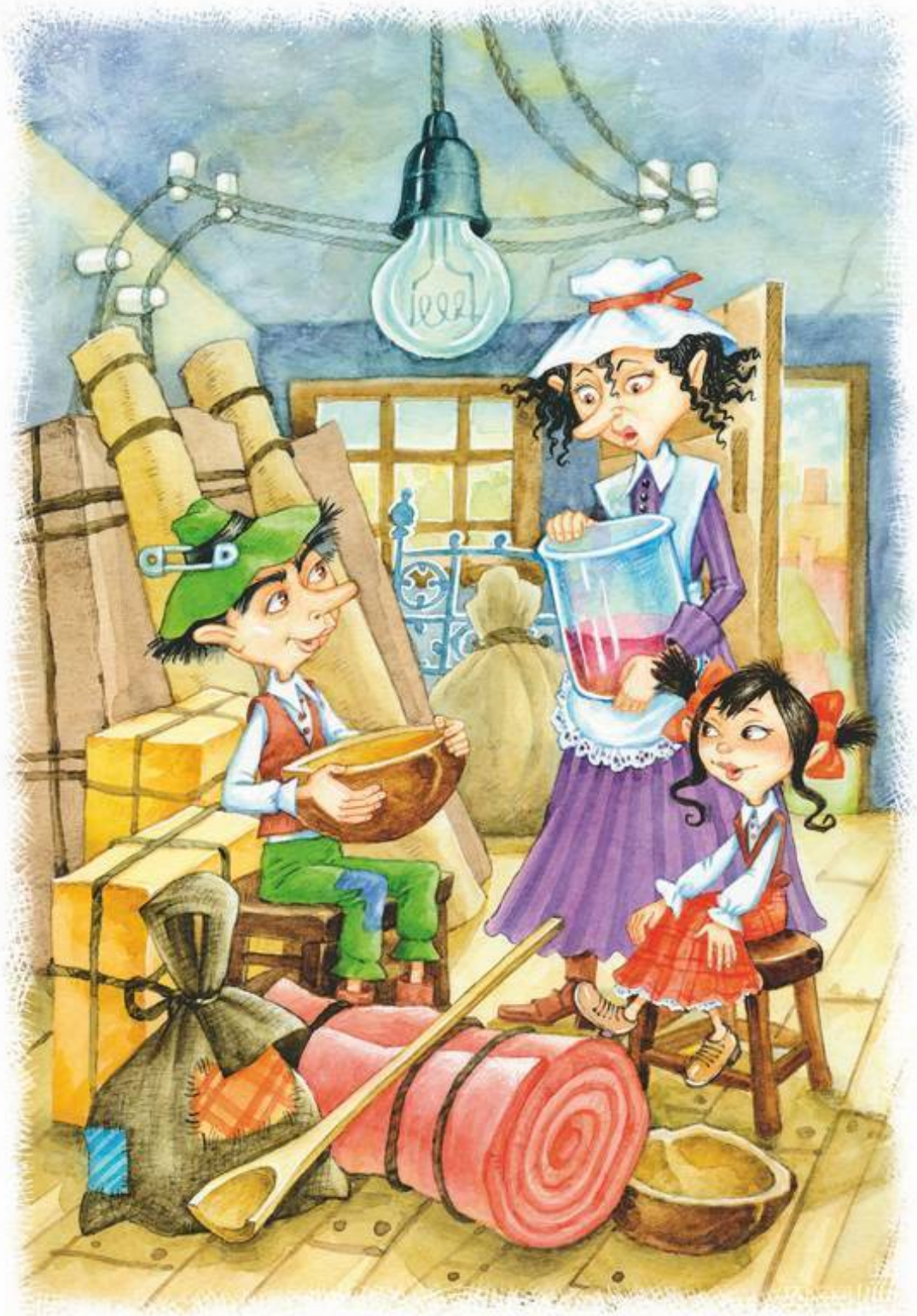
- Ни за что не угадаете, что мы нашли.

В сером свете наступающей ночи Хомили и Арриэтта не видели выражения его лица, но по голосу поняли, что Пода удивила находка.

- Ты хочешь сказать, что нашёл для нас место?

– Возможно, но не только... – Под сделал ещё глоток. – Мы... то есть Спиллер кое-кого нашёл...

- Кого, Под? Кого? – Хомили подалась вперёд, пытаясь рассмотреть его лицо.
- И более того, – флегматично продолжил Под, – он знал о них всё это время.
- О ком «о них»? – вышла из себя Хомили.
- Да о Хендрири! – объявил Под.

– О господи! – не сдержалась Хомили.

Атмосфера в маленькой комнате буквально накалилась. Мысли словно тени метались от пола к потолку, пока Хомили сидела, сцепив руки на коленях, напряжённо выпрямившись и расправив плечи: застывший силуэт на фоне сумрака, лившегося в окно, – наконец спросила каким-то странным бесцветным голосом:

– Где?

– В церкви.

– В церкви? – Хомили резко повернулась к окну.

– Нет, не в игрушечной, в настоящей...

– В церкви человеков? – уточнила Арриэтта.

– Батюшки мои! – воскликнула Хомили. – Как они могли выбрать это место?

– Они не выбирали, – сказал Под.

– Ах, батюшки, батюшки, – запричитала Хомили, – ну и дела! Но как они туда попали?

То есть я хочу сказать, что, когда мы видели их в последний раз, они были в коттедже лесника и еды у них оставалось не больше чем на месяц-полтора. Тебе отлично известно, что я никогда не была в восторге от Люпи, но частенько думала о них и гадала, удалось ли им выжить. Голод – вот что им грозило: ты сам это сказал, помнишь? – когда человеки уходят, а дом запирают (а этот коттедж заперли так уж заперли – каждую щёлочку заколотили, чтобы полёвки не пробрались). А ещё хорёк рыскал снаружи...

– Как они выбрались? – Арриэтта подошла к отцу и села у его ног, обхватив колени руками. – Мне бы так хотелось увидеться с Тиммисом!

Под похлопал дочь по плечу.

– Да, он там, но двух старших мальчиков нет: они вроде как вернулись в барсучью нору. Эглтина отправилась с ними вести хозяйство. Ну а выбрались они, похоже, тем же путем, что и мы.

– Через наш водосток? В прачечной?

– Совершенно верно: Спиллер помог.

– И вывел их, как и нас? – В голосе Хомили прозвучала обида.

– Ну да, только они отлично вышли посуху. Никакой воды из ванны и никаких луж. Это произошло, когда мы были заперты в мансарде. Видишь ли, Хомили, шли недели, месяцы, и Спиллер уже не верил, что снова нас увидит. И это был его путь для бегства, а не наш. У него есть полное право пользоваться водостоком.

– Согласна, но ты же знаешь, какая Люпи болтушка...

– Будет тебе, Хомили! С кем ей разговаривать? Уверен, тебе не хотелось бы, чтобы их семья голодала, правда же?

– Правда, – проворчала Хомили, – семье голодать не стоит, но вот Люпи было бы неплохо сбросить вес.

– Возможно, так оно и было, – сказал Под.

– То есть ты их не видел? – уточнила Хомили.

Под покачал головой.

– Мы не заходили в церковь.

– Почему же?

– Это было не ко времени.

– Тогда где же мы будем жить? Церковь не по мне: это место не для добываек. Арриэтта прочитала всё о церквях – там всегда полным-полно человеков, они там собираются...

– Кажется, только в определённые часы. Церковь может быть хорошим местом для жизни: там даже есть печь, которая нагревает воду. Для радиаторов, кажется...

– Что такое радиатор?

– О, тебе это известно, Хомили! Такие штуки были в Фэрбанксе...

– Ты забываешь, Под, что в Фэрбанксе я никогда не ходила наверх! – отрезала Хомили.

– А, я вспомнила! – вступила в разговор Арриэтта. – Это такие штуки, в которых шумит вода.

– Именно. Их наполняют горячей водой, чтобы согреть дом зимой...

– И эти штуки есть в церкви?

- Точно. А печку топят коксом.
Хомили молчала не меньше минуты, потом медленно произнесла:
– Кокс ведь не хуже угля, да?
– Нисколько, – сказал Под. – А ещё там есть свечи.
– Какие именно?
– Такие длинные, в ящике их полно. И представляешь, свечные огарки они выбрасывают.
– Кто выбрасывает? – уточнила Хомили.
– Человеки.
Хомили задумалась, потом медленно проговорила:
– Что ж, если нам придётся жить в церкви...
Под засмеялся.
– Кто сказал, что нам придётся жить в церкви?
– Как кто – ты и сказал, Под.
– Нет, ничего подобного я не говорил. Место, которое приметили мы со Спиллером, совсем другого рода.
– Батюшки мои! – ужаснулась Хомили. – Что на сей раз?
– Там, совсем рядом с церковью, есть большой старый пустой дом. Мы со Спиллером весь его облазили...
– Он же пустой! – не дала ему договорить Хомили. – Как, по-твоему, мы будем там жить?
– Подожди! – остановил её Под и опустошил ореховую скорлупку. – Когда я говорю «пустой», то имею в виду, что там никто не живёт... кроме сторожей.
Хомили молчала, и Под продолжил:
– Так вот: сторожа – супруги Уитлейс – живут в самом дальнем конце дома, в пристройке. Там есть кухня, прачечная и кладовая для продуктов...
– Кладовая... – мечтательно выдохнула Хомили, словно ей пообещали подарок.
– Да, кладовая для продуктов, – повторил Под, – с полками, на которых очень много чего есть.
– Кладовая, – с придыханием повторила Хомили.
– Ой, совсем забыл! – встрепенулся Под, взял свой мешок и достал из него большой кусок сливового пирога и внушительный кусок куриной грудки. – Налетайте, ведь вы с Арриэттой наголодались за эти дни. А мы со Спиллером уже наелись: там была ещё такая штука, «зельц» называется, но я не думаю, чтобы он вам понравился...
– Ой, я ела такое в Фэрбанксе! – воскликнула Хомили, оторвала кусочек курицы и протянула Арриэтте. – Ты только попробуй, это безумно вкусно! Прости, Под, продолжай...
– Там есть маленькая лестница, которая ведёт из прачечной наверх, и несколько спален над ней. А есть ещё главная – та, изгибаясь, уходит всё выше и выше.
– Откуда ты всё это знаешь, Под? – Хомили осторожно оторвала кусочек курицы для себя.
– Я же сказал: мы со Спиллером всё там облазили.
– Как же ты сумел без своей булавки? Как смог подняться по лестнице?
– Нам и не пришлось, – ответил Под, и Хомили могла бы поклясться, что муж улыбается. – Дом весь увит растениями: плющом, жасмином, клематисом, жимолостью, – так что можно попасть куда захочешь.
– Окна что, были открыты?
– Да, некоторые, а ещё кое-где были разбиты стёкла. Там на всех окнах такие штуки крест-накрест – кажется, решётки.
– А ты уверен, что в главном доме никого нет?
– Абсолютно, – сказал Под и, мгновение подумав, добавил: – Ну, кроме привидений!
– Это ничего. – Отставив мизинец, Хомили оторвала себе ещё кусочек курицы и аккуратно, как истинная леди, положила в рот, хотя предпочла бы распаковать тарелки.

– Эта миссис Уitleйс там ходит со шваброй и метёлкой для пыли, но не слишком часто – боится привидений.

– Все человеки боятся, – заметила Хомили. – Не знаю только почему.

– Она называет их феями, – усмехнулся Под.

– Феи! Какая глупость! Как будто феи существуют!

Арриэтта откашлялась, чтобы не дрожал голос, и тихо сказала:

– Я бы тоже боялась.

– Кого?

– Привидений...

Голос у неё всё-таки дрогнул, и Хомили сердито воскликнула:

– Ах, Арриэтта, очень мило, что ты умеешь читать и всё такое! Только, похоже, ты читалась глупостей, которые пишут человеки. Привидения не причинят тебе вреда. И потом, они держат человеков на расстоянии. Моя матушка жила в доме, где обитало привидение безголовой невесты, и, будучи детьми, они весело с ним играли: пробегали сквозь него и оказывались на другой стороне. Она говорила, что было немного щекотно и капельку холодно. Только человеки по какой-то причине не могут их выносить. Им и в голову не приходит, что привидениям нет до них никакого дела – они заняты лишь собой.

– Что уж говорить о нас, добывайках, – добавил Под.

Хомили молчала, явно пребывая мыслями где-то далеко – возможно, в кладовой, – и мечтала о холодной копчёной ветчине, об остатках яблочного пирога, сыре чеддер, сельдерее в стеклянных банках, первой черешне...

Как будто читая её мысли, Под сказал:

– Этот Уitleйс держит огород, как говорит Спиллер, там всё растёт...

– А где сейчас он сам? – спросила Хомили, вернувшись наконец с небес на землю.

– Спустился вниз по ручью, чтобы перегнать барку...

– Куда?

– К колючей проволоке, разумеется. – Под устало вытянул ноги. – Доедайте пирог, и пора начинать погрузку.

– Что, уже сегодня? – охнула Хомили.

– Прямо сейчас, пока совсем не стало темно, а потом дождёмся, когда взойдёт луна, и тронемся в путь. Спиллер должен видеть, куда плывёт.

– Ты хочешь сказать, что мы прямо сегодня отправимся в тот дом?

Под положил натруженные руки на каминную полку, постоял задумавшись, потом медленно произнёс:

– Хомили, я не хочу пугать ни тебя, ни Арриэтту, но вы должны понять, что, пока находимся здесь, каждую минуту мы подвергаем себя огромной опасности. Вы же не хотите снова попасть в мансарду, правда? Или оказаться в стеклянной клетке, на потребу публике?

В комнате повисла тишина. Наконец раздался дрожащий голосок Арриэтты:

– Нет, лучше умереть...

Под выпрямился.

– Тогда давайте займёмся делом!

Глава пятая

Не так-то просто оказалось протащить все пожитки через квадратные отверстия в изгороди из колючей проволоки, даже с помощью Спиллера, но хуже всего дело обстояло с остовами кроватей. Им пришлось голыми руками копать землю на берегу ручья и протаскивать их под изгородью. Квадраты в сетке были достаточно большими для многих вещей, но только не для кроватей.

– Как здесь не хватает нашей старой ложки для горчицы, – пожаловалась Хомили. – Она бы нам так сейчас пригодилась...

– Если хочешь знать моё мнение, – пропыхтел Под, подталкивая последний узел к барке Спиллера, – то мы обошлись бы без половины этого барахла.

– Барахло! – возмущённо воскликнула Хомили. – Все эти красивые стулья и столы, сделанные специально для нас... А наши собственные вещи мы рассортировали и взяли только самое необходимое...

– И что же ты оставила? – устало поинтересовался Под.

– Кухонную раковину, к примеру: она была прикреплена, кажется, – ещё всю нашу красивую одежду, выстиранную и выглаженную...

– И кому на нас в ней смотреть? – спросил Под.

– Никогда не знаешь наверняка, – пожала плечами Хомили. – Я всегда хорошо вела дом, ухаживала за тобой и Арриэттой как должно, а это было не так-то легко...

– Знаю, знаю, – прошептал Под с нежностью и похлопал жену по плечу. – Пожалуй, нам лучше подняться на борт...

Арриэтта последний раз оглянулась на игрушечный городок: шиферные крыши слабо поблёскивали в свете поднимающейся луны, соломенные крыши как будто исчезли. Окна дома мистера Потта были тёмными – наверное, уже лёг спать. К усталости и возбуждению примешивалась печаль. Интересно почему? – подумала Арриэтта и тут вспомнила о мисс Мэнсис: она будет скучать без них, безумно скучать! Арриэтта знала, что теряет в лице мисс Мэнсис подругу. Зачем только ей, добывайке по крови и воспитанию, всегда так хотелось общаться с людьми? И к чему это привело? Сплошные неприятности! Теперь Арриэтте пришлось это признать. Возможно, когда станет старше и мудрее, у неё пропадёт это стремление? А может, причина в другом? Может, добывайки и сами когда-то были людьми, но, по мере того как их жизнь становилась всё более тайной, просто уменьшались в росте? Или, может, они действительно вымирают?..

Ей вспомнились слова мальчика из Фэрбанкса, и, вздрогнув, она повернулась к сетке из колючей проволоки, а через минуту Спиллер уже помогал ей сесть в барку.

Хомили, раскладывая подушки и лоскутные одеяла там, где когда-то было отделение для ложек в старом ящике для столовых приборов, превращённом Спиллером в барку, приговаривала:

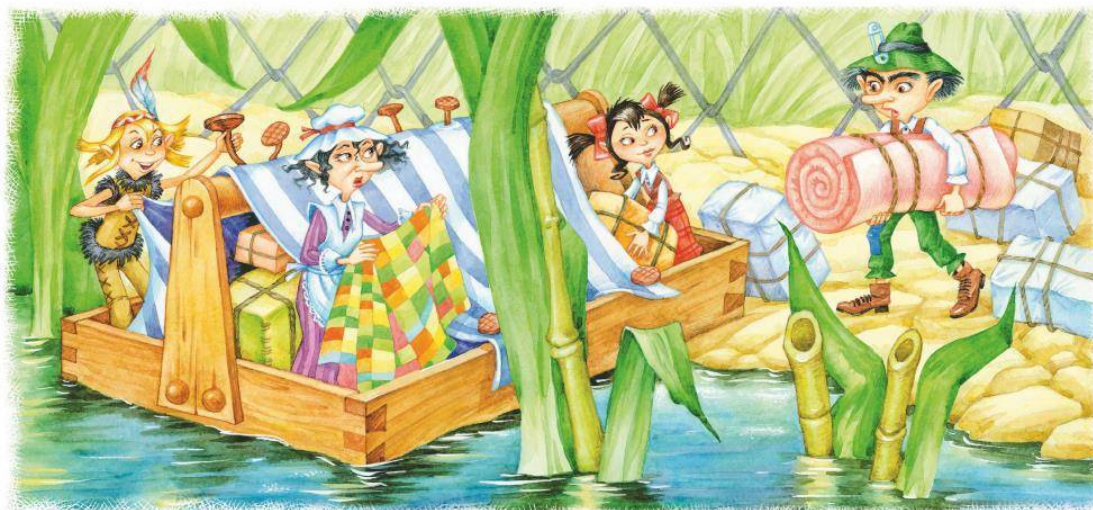
– Нам надо немного поспать.

– У нас будет для этого достаточно времени, – сказал Под. – Нам придётся затаиться до утра.

– Где? – изумлённо воскликнула Хомили.

– Там, где ручей сворачивает в сад дома священника. Он, кажется, вытекает из пруда: там есть родник. Мы не можем идти по лужайке при лунном свете: там, как говорят, полно сов – поэтому затаимся у берега в ольховнике. Там нас никто не увидит...

– Но как же мы пойдём через лужайку днём, со всем нашим багажом?

– Вещи останутся в барке до тех пор, пока мы не найдём жильё. Нужен какой-то безопасный уголок дома, где мы сможем, как ты говоришь, спокойно устроиться.

Спиллер пристраивал поверх груза потёртую кожаную гетру (кожаный чулок, какие в те времена носили лесники). После того как он закончит, ящик для столовых приборов будет выглядеть как плывущее старое бревно, и только с очень острым зрением удастся разглядеть в нём судно.

– Нам бы не понадобилась как минимум четверть от всего багажа, если бы у меня были инструменты, – посетовал Под.

– Да, – согласилась Хомили грустным шёпотом, – просто стыд – потерять твои инструменты...

– Ну, мы их не то чтобы потеряли – скорее оставили в коттедже лесника, прихватив лишь сваренное вкрутую яйцо, чтобы не умереть с голоду.

– И то верно, – вздохнула Хомили. – Нужда заставила.

– Я бы мог сам сделать что угодно, любую вещь, которая нам действительно нужна, будь у меня инструменты.

– Да, я знаю. – Хомили вспомнила перегородки, проходы и арки под полом в Фэрбанксе. – Какую спальню из сигарной коробки ты сделал для Арриэтты! Любой назвал бы это шедевром...

– Неплохо получилось, – скромно согласился Под.

Арриэтта, помогавшая Спиллеру привязывать гетру, услышав своё имя, заинтересовалась и, пробравшись по бортику судна поближе к родителям, услышала, как отец сказал: – Я бы не удивился, узнав, что их взяли Хендрири...

– Что взяли? – спросила Арриэтта, нагнувшись к ним.

– Говори тише, детка.

– Мы говорили об инструментах твоего отца, – объяснила Хомили. – Он думает, что они у Хендрири. Хотя они имели право их взять, раз уж мы оставили...

– Где оставили? – Арриэтта явно ничего не понимала.

– В коттедже лесника, когда бежали оттуда по водостоку, там, где ты обычно разговаривала с тем мальчиком, – с неожиданным ядом добавила Хомили. – Как там его звали?

– Том Доброу, – машинально ответила Арриэтта, но в голосе её по-прежнему слышалось удивление. – Но инструменты здесь, в барке!

– Не говори глупости, дочка! Откуда им тут взяться? – Хомили уже не скрывала своего раздражения. – Из коттеджа лесника мы не взяли ничего, кроме варёного яйца!

Арриэтта помолчала в раздумье, потом медленно произнесла:

– Наверное, это Спиллер...

– Ну о чём ты говоришь, детка? Только отца расстраиваешь...

Под, явно растерянный, молча смотрел на дочь.

Тогда Арриэтта, соскользнув с борта к родителям, шёпотом сказала:

– Когда мы со Спиллером грузили вещи, там был голубой мешок – такой же, как у дяди Хендрири. Я об него споткнулась, и он едва не упал в воду, но Спиллер метнулся вперёд и успел его схватить.

– И что же?

– Когда Спиллер его укладывал, было слышно, как в нём что-то звякнуло.

– Это могло быть что угодно, – заметила Хомили, подумав о своих кастрюлях и горшках.

– Мешок казался очень тяжёлым. И Спиллер явно рассердился... ну, когда подхватил его. Он тогда ещё сказал... – Арриэтта запнулась, пытаясь вспомнить слова.

– Что же он сказал? – поторопил её Под, и в его тихом голосе слышалось напряжение.

– «Смотри под ноги! Это инструменты твоего отца!»

В полном недоумении все молчали, пока наконец Хомили не уточнила:

– Арриэтта, ты уверена, что он сказал именно это?

Под по-прежнему не шевелился, и очертания его головы и плеч были едва видны в лунном свете.

– Ну да... я особо и не задумывалась: мешок как мешок, едва не упал в воду...

Так как родители никак не отреагировали на эти слова, Арриэтта добавила:

– Да, именно так он и сказал, скорее даже выкрикнул: «Это инструменты твоего отца!»

– Ты точно слышала это слово – «инструменты»? – недоверчиво спросила Хомили.

– Да, именно его он и выкрикнул. Никогда не видела Спиллера таким сердитым, и меня это встревожило... – Арриэтта в недоумении перевела взгляд на расплывчатую фигуру отца. – А что случилось-то?

– Нет, ничего! Всё просто замечательно! Замечательно...

Хомили всхлипнула и вдруг, бросившись к мужу, разрыдалась: – О, Под, думаю, это правда!

Он обнял жену и, похлопывая по спине, хрипло проговорил:

– Похоже, что так.

– Я ничего не понимаю, – вмешалась Арриэтта. – Спиллер ведь должен был сказать тебе...

– Нет, дочка, – спокойно прервал её Под, – он ничего нам не сказал.

Под повернулся, пытаясь нащупать какой-нибудь кусочек ткани, чтобы Хомили могла вытереть слёзы, но она отпрянула и приложила к лицу маленькую подушку, которую держала в руке.

– Понимаешь, Арриэтта, – всхлипывая, проговорила Хомили, – в церкви, или в доме священника, или в любом другом месте мы сможем теперь спокойно устроиться и жить по-настоящему, потому что у твоего отца теперь есть инструменты...

Отшвырнув подушку, Хомили пригладила волосы и подняла глаза на мужа.

– Но почему, Под, почему он ничего не сказал нам?..

Глава шестая

Как приятно было снова очутиться на воде!

Барка Спиллера, надёжно привязанная за нос, мягко покачивалась, течение подталкивало её то к берегу, то от него. Лёгкие облака время от времени закрывали луну и звёзды, но ненадолго. На воде как будто подрагивало призрачное сияние, лёгкие порывы ветерка шелестели камышами на дальнем берегу.

Кругом было тихо, только Хомили мурлыкала что-то себе под нос, пока, повеселевшая, готовила всем постели. Проблема заключалась в том, что под гетрой была только часть отделения для ложек, где им с Арриэттой предстояло спать, и Хомили приходилось всё время перебираться на четвереньках то туда, то обратно, чтобы тщательно заправить фланелевые простыни мисс Мэнсис и разложить сшитые вручную стёганные пуховые одеяла. Если пойдёт дождь, то хотя бы голова и плечи у них останутся сухими.

«А что будет с туловищем и ногами?» – задумалась Арриэтта, с наслаждением вдыхая свежий ночной воздух, пристроившись на корме и праздно наблюдая, как Под и Спиллер суеются на носу. Вот Спиллер, согнувшись, принялся вытягивать свой лодочный шест – длинную жёлтую вязальную спицу, которая в далёком прошлом принадлежала миссис Драйвер. Когда тот – дюйм за дюймом – вышел из-под гетры, Спиллер уложил его поперёк банки и наконец-то выпрямился, радостно потирая руки. Немного постояв, он хотел было помочь Поду, который, нагнувшись к ограде из колючей проволоки, возился с верёвкой, как вдруг, быстрый словно кнут, развернулся и прислушался. Под тоже, хотя и намного медленнее, выпрямился и посмотрел в ту же сторону, выше по течению.

Арриэтта быстро нагнулась и предупреждающе положила ладонь на руку матери, когда та, немного растрёпанная, снова появилась из-под гетры. Хомили прекратила напевать, и они обе напрягли слух. Ошибки быть не могло: до них доносился пока ещё далёкий плеск вёсел.

– Батюшки мои! – выдохнула Хомили, выпрямившись и уныло глядя перед собой.

Пальцы Арриэтты до боли сжали её руку.

– Тише, мама! Мы не должны паниковать...

Хомили слово «паниковать» доставило нестерпимую боль, и она с упрёком посмотрела на дочь. Арриэтта поняла, что мать готова возразить: она, мол, никогда не паникует, не принадлежит к тем, кто волнуется по пустякам, а слово «спокойно!» всю жизнь было её девизом, поэтому покрепче сжала её руку. Хомили в результате сердито промолчала, безучастно глядя перед собой.

Спиллер мгновенно оказался возле Поды. Верёвка почему-то намочла, или кто-то слишком туго затянул узлы. В двух согнутых спинах чувствовалось отчаяние. Арриэтте вдруг стало стыдно, и, разжав пальцы, она обняла мать за плечи, успокаивая, прижала к себе. Хомили взяла дочь за другую руку и нежно сжала ладошку. Не время им ссориться.

Наконец верёвка развязалась. Они увидели, как Спиллер взял свой шест, оттолкнулся от берега под изгородью и вывел барку на середину ручья.

Хомили и Арриэтта теснее прижались друг к другу, а Спиллер сильными уверенными движениями повёл барку против течения, вверх, навстречу плеску вёсел... навстречу опасности... – но зачем?

– Силы небесные... – прошептала Хомили.

А они двигались дальше, и их судёнышко слегка подрагивало под ударами невысоких волн. Тем временем плеск вёсел стал слышен лучше и к нему присоединился какой-то скрежет.

Хомили с широко открытыми глазами сидела молча, теснее прижавшись к Арриэтте, а та, чуть обернувшись, в отчаянии смотрела назад. Да, изгородь из колючей проволоки осталась

позади, как и игрушечный городок, и их дом со всем, что было с ним связано. Куда, ну куда везёт их теперь Спиллер?

Вскоре они увидели, как вязальная спица, сверкнув в свете луны, перелетела через барку и опустилась в воду с другой стороны. Два быстрых глубоких удара Спиллера, и они скользнули в камыши у другого берега ручья. Впрочем, не столько скользнули, сколько врезались, потому что нос у судна Спиллера был квадратным.

Вдруг плеск приближающихся вёсел смолк. Похоже, тот, кто сидел в другой барке, услышал шум. Напуганная лягушка плюхнулась с камыша в воду, и снова стало тихо.

Внезапно Спиллер так резко развернул судёнышко, что Хомили и Арриэтта остались лежать, напряжённо прислушиваясь, но ни единого звука, кроме лепета медленно текущего ручья, до них не донеслось. Ухнул сыч, с другой стороны долины ему ответила подружка, и снова тишина.

Арриэтта осторожно поднялась и на коленях подползла к корме барки, намереваясь заглянуть за борт. Луна тут же осветила её лицо и – как ни грустно было это осознавать – всю корму их барки. Под и Спиллер оказались в более густой тени, их было едва видно, но Арриэтта разглядела, что они как-то странно двигаются: то наклоняются, то выпрямляются, – и тут же поняла, что и барка идёт вперёд: упрямо, тихо, неуклонно. Под и Спиллер протаскивали их глубже в камыши. До Арриэтты донёлся сильный аромат сломанных стеблей перечной мяты и слабый запах коровьего навоза. Наконец их судно замерло, и опять всё стихло.

Арриэтта, теперь тоже оказавшись в тени, заглянула через борт. В просвет между сломанными и смятыми камышами ей по-прежнему был виден ручей, и она всё так же ощущала опасность.

– Может, это была выдра? – вдруг раздался удивительно близко голос, и Арриэтта с ужасом поняла, что он ей знаком.

Все добывайки замерли. Снова раздался скрежет и плеск, а затем ещё ближе прозвучал другой голос:

– Скорее водяная крыса.

– Силы небесные! – ахнула Хомили в самое ухо Арриэтте. – Это же они, Платтеры...

– Да, я узнала, – еле слышно прошептала Арриэтта и добавила, заметив, что мать инстинктивно рванулась в сторону гетры: – Сиди тихо...

Потом они увидели лодку, плывшую по течению. Это был маленький ялик, тот самый, на котором Платтеры катали детей вокруг островка во времена «Чая на берегу реки». В ялике сидели двое. На фоне освещённого луной берега они казались большеголовыми и огромными. Вёсла в уключинах были подняты вверх. Более крупная фигура наклонилась вперёд. Снова раздался скрежет и плеск.

– Я никогда не думала, что ялик потечет, Сидни, – сказал первый голос.

– Это и неудивительно: ялик пролежал всю зиму. Как только доски разбухнут, течь прекратится.

Опять скрежет и плеск.

– Ох ты, черт возьми! Что-то вылетело через днище. Кажется, это сэндвичи с бараниной...

– Я говорил тебе, Мейбл, что это будет нелегко.

– Это были такие вкусные сэндвичи, Сидни: с кисло-сладким острым соусом и овощами.

Голоса смолкли, и Арриэтта затаила дыхание, тревожно глядя, как ялик проплывает мимо.

Через некоторое время раздался тот же голос:

– Всё в порядке, Сидни: это были всего лишь крутые яйца.

И снова наступила тишина, которую нарушали только скрежет и плеск. Арриэтта повернула голову, увидела, как вдоль гетры к ним пробирается Под, приложив палец к губам, и послушно замерла.

Когда отец опустил рядом, они снова услышали плеск вёсел. Под, склонив голову к плечу, спокойно слушал, а спустя мгновение, воспользовавшись этим звуком, спросил:

– Они проплыли?

Арриэтта, пытаясь справиться с сердцебиением, кивнула.

– Значит, всё в порядке, – буднично сказал отец.

Арриэтта схватила его за руку.

– Ах, папа...

– Ну-ну, успокойся: всё уже позади. Слышишь? Они скоро поднимут весла...

И тут же до них донёлся стук весел, которые вынули из уключин, а вслед за ним – голос Мейбл, уже далёкий, но отчётливо слышный над ручьем:

– Потихе, Сидни, прошу тебя, не то старый Потт услышит!

– Не бойся! – отозвался мистер Платтер. – Он глух как телеграфный столб, да и спит давно: свет у него не горит. Я бы тоже пару часиков поспал...

Добывайки услышали, как он зевнул, и Арриэтта спросила с надеждой:

– Они могут утонуть?

– Боюсь, что нет, – вздохнул Под.

И снова до них донёлся голос Мейбл:

– Мне что, так и вычерпывать воду всю ночь?

– Как сказать, – ответил ей мистер Платтер.

Затем раздались перешёптывания, лёгкий треск и шорох: они о чём-то переговаривались, но Арриэтта и Под слышали только отдельные реплики:

– Не могу достать носовой фалинь... тут какие-то зонтики...

– Слишком много всего...

И вдруг тишину разорвал возмущённый голос мистера Платтера:

– Слишком много всего?! Утром будешь благодарить Небеса, что эти вещи у тебя есть, Мейбл! Я ведь говорил, зачем мы здесь? Говорил?

Ответа не последовало, и скрипучий голос зазвучал снова:

– Мы в засаде! Именно так: здесь мы в засаде! Сегодня ночью, завтра ночью и, если потребуется, в следующую тоже...

– Ох, Сидни...

Добывайки, слушавшие очень внимательно, уловили в этом возгласе нотку испуга.

– Мы найдём их и вернём обратно, Мейбл, или умрём. Ну или... – Мистер Платтер чуть замялся. – Или умрёт кто-то другой...

– Кто-то другой? О нет, Сидни! Похищение там или засада ещё куда ни шло, но то, что ты предлагаешь сейчас... Нет, дорогой, на это я не согласна!

Так как мистер Платтер сразу не ответил, она, запинаясь, добавила:

– Если ты понимаешь, что я имею в виду...

– Возможно, это и не понадобится, – наконец пробормотал мистер Платтер.

Снова раздался скрип, потом стук дерева о дерево, плеск воды... и испуганный вопль миссис Платтер:

– Осторожней, Сидни! Ты едва не выбросил меня за борт!

– Они привязывают ялик, – шепнул Под. – Нам пора!

Спиллер подошёл к ним, как всегда, бесшумно, и теперь стоял рядом на корме с шестом в руках.

– Вы обе, хватайтесь за камыши! Давай, Арриэтта... – скомандовал Под. – Вот так, хорошо. Теперь тяните, только аккуратно...

Медленно-медленно они выбрались из камышей кормой вперёд на более открытую воду, как вдруг стало совсем темно, так же, как было в камышах.

– Я совсем ничего не вижу, – испуганно прошептала Хомили и поднялась; с рук её стекала холодная вода, голос дрожал.

– Они, к счастью, тоже, – шепнул ей в ответ Под. – Стой там, где стоишь, Хомили. Давай, Спиллер!

И барка рванулась вперёд. Арриэтта подняла голову. Звёзды по-прежнему ярко сияли, но луну закрыло облако. Арриэтта почувствовала, как барка резко развернулась и двинулась вперёд против течения, и обернулась, но почти ничего не увидела: ниже ограды всё скрывала тьма. О благословенное облако! О благословенная бесшумная вязальная спица в руках Спиллера, которая толкает их вперёд! Вверх по течению, кормой вперёд, не имеет значения: они уплывают прочь!

В это мгновение последняя тонкая пелена облака освободила луну, и её мягкое сияние снова заструилось на землю. Арриэтта могла теперь видеть лица родителей, а оглянувшись назад – изгородь из колючей проволоки, серебристой в лунном свете, и движущиеся тени рядом с ней. Но если она их видит, то и они могут заметить барку. Арриэтта повернулась к отцу и увидела, что он тоже смотрит на изгородь.

– Ох, папа, как ты думаешь, они нас видят?

Под не сводил глаз с движущихся фигур, поэтому ответил не сразу.

– Они и смотреть не будут. – С улыбкой Под положил руку на плечо дочери, и все её страхи сразу улеглись, а спустя некоторое время заговорил снова – тихо, уверенно: – Здесь ручей делает поворот, и они не смогут нас увидеть...

И он не ошибся. Через несколько минут Арриэтта оглянулась назад, но увидела лишь спокойную воду: изгородь скрылась из виду. Напряжение спало, и все наконец-то расслабились; только Спиллер упорно толкал барку вперёд.

– Где-то тут был нож для масла. Я оставил, чтобы был под рукой, – сказал Под и повернулся, словно собирался снова вскарабкаться на гетру, но замешкался. – Вам с матерью лучше лечь спать: надо хорошенько отдохнуть. Завтра будет тяжёлый день...

– Папа, пожалуйста, можно не сейчас? – взмолилась Арриэтта.

– Делай так, как я сказал, девочка. И ты тоже ложись, Хомили, а то совсем выбилась из сил...

– Ради всего святого, Под, зачем тебе понадобился нож для масла? – слабым голосом спросила Хомили.

– Как зачем? – удивился Под. – Это же руль! А теперь обе забирайтесь под гетру и укладывайтесь.

Он отвернулся от них и начал очень осторожно взбираться на гетру, а жена и дочь не спускали с него глаз.

– Прирождённый альпинист! – с гордостью произнесла Хомили. – Идём спать, Арриэтта, не будем спорить с отцом. Становится холодно, а мы всё равно ничем не поможем.

И всё же Арриэтта мешкала. Ей казалось, что веселье только начинается: здесь столько всего можно увидеть, на берегах ручья, к тому же под открытым небом, на свежем воздухе. Ах, это же летучая мышь! И ещё одна! Должно быть, здесь много комаров. Нет, какие комары ранней весной! И правда, ещё холодно, но весна вот-вот наступит. Прекрасная весна! И новая жизнь... Нет, всё-таки очень холодно!

Тем временем мать уже скрылась из виду, и Арриэтта нехотя поползла под гетру, осторожно вытащила маленькую подушку и положила её в самом конце их постели, чтобы хотя бы голова оставалась на свежем воздухе.

Забравшись под шитые мисс Мэнсис простыню и одеяло и немного согревшись, Арриэтта легла на спину и принялась рассматривать ночное небо. Опять сияла луна, хотя временами её заслоняли нависшие над водой ветки или почти прозрачные облака, мерцали звёзды. Ночь была полна странных звуков: она даже услышала лай лисицы.

Арриэтта лежала и размышляла: интересно, какая новая жизнь их ждёт? Сколько времени им потребуется, чтобы добраться до незнакомого дома? Большой дом человеков – вот и

всё, что она о нём знала. Больше, чем Фэрбанкс-Холл, – так сказал Под, а Фэрбанкс-Холл был вовсе не маленьким. Рядом с новым домом имелась лужайка, спускавшаяся к пруду. В пруду бил родник, который и питал тот самый ручей, по которому они сейчас беззвучно плыли. О как же она любила пруды! Арриэтта вспомнила пруд возле поля. В то время они жили в ботинке, и это было очень весёлое время. Она ловила мелкую рыбёшку, каталась по пруду на старой крышке от мыльницы, принадлежавшей Спиллеру, училась плавать... Кажется, это было так давно! Она вспомнила про цыгана по прозвищу Кривой Глаз и его фургон: дразнящий запах жаркого из фазана, когда они, напуганные и голодные, прятались под сомнительным прикрытием неопрятной кровати Кривого Глаза, а ещё та женщина со свирепым лицом, жена Кривого Глаза. Где-то они теперь? Хотелось бы надеяться, что не слишком близко.

Арриэтта снова подумала о Фэрбанксе и своём детстве под полом, о темноте, о пыльных переходах между балками. И всё же какими чистыми и светлыми были стараниями Хомили те крошечные комнаты, в которых они жили! Как же ей приходилось трудиться! Следовало бы больше помогать матери, подумала Арриэтта, и ей стало стыдно...

А потом наступил тот знаменательный день, когда Под повёл её наверх. Она впервые оказалась на открытом воздухе и была восхищена. Затем состоялась её первая встреча с мальчиком (это был первый из людей, с кем познакомилась Арриэтта), которая принесла им сколько неприятностей...

Но как много девочка узнала, когда читала ему вслух; какими странными были некоторые книги, которые он приносил в сад из большого дома наверху; сколько нового открылось ей о том загадочном мире, в котором жили они все: она сама, мальчик, старушка наверху, – странные животные, странные обычаи, странные мысли. Пожалуй, самыми странными среди всех были сами человеческие существа (а не люди, как их называли её родители). Была ли существом сама Арриэтта? Определённо, но не человеческим, хвала небесам! Нет, ей не хотелось быть одной из людей: ни один добывайка никогда ничего не украл у другого добывайки. Да, вещи переходили от одного добывайки к другому: так, мелочи, оставленные или брошенные предыдущими владельцами, а также просто где-то найденные. То, что не пригодилось одному добывайке, могло пригодиться другому. В этом был смысл: выбрасывать ничего не следует – но ни один добывайка намеренно не взял бы ничего у другого добывайки. Такое просто невысказуемо в их маленьком хрупком мире!

Именно это Арриэтта пыталась объяснить мальчику. Ей никогда не забыть, сколько презрения было в его голосе, когда он выкрикнул с неожиданным раздражением: «Вы говорите “добывать”, а я говорю “воровать”!»

В то время она только рассмеялась в ответ и всё смеялась и смеялась над его невежеством. Каким глупым было это большое неуклюжее создание, если не понимало, что люди созданы для добываек как хлеб для масла, коровы – для молока, куры – для яиц. Вполне можно сказать (если опять же сравнить с коровами), что добывайки пасутся на людях. «Для чего же ещё, – спросила тогда Арриэтта, – нужны люди?» Он тоже этого не знал. Тогда она сама ответила на свой вопрос, твёрдо заявив: «Для нас, конечно же». И он начал считать, что она права.

И вот теперь, лёжа в барке Спиллера и глядя на луну, Арриэтта нашла всё это очень запутанным. Ей потребовалось немало времени, чтобы понять: на земле живут миллионы людей и очень мало добываек. До тех долгих дней, когда читала мальчику вслух, она представляла всё совершенно иначе. Как она могла думать иначе, она, выросшая и воспитанная под полом в Фэрбанксе? Она так мало видела, а слышала ещё меньше. Пока не встретила мальчика, Арриэтта никогда не смотрела на людей. Разумеется, она знала, что они существуют: иначе как смогли бы жить добывайки? – а ещё знала, что люди опасны, самые опасные животные на земле, но думала, что они встречаются редко...

Теперь она знала больше.

Откуда-то издалека до неё донёлся бой часов: наверное, церковных. Арриэтта сонно сосчитала удары: ей показалось, что их было семь.

Глава седьмая

Вспоминая утро их прибытия на место, наиболее отчетливо Арриэтта представляла длинный-предлинный переход: временами ей даже казалось, что они не дойдут.

Они прекрасно выспались: даже Поду и Спиллеру удалось пару часов отдохнуть. Судя по всему, путешествие по реке заняло меньше времени, чем все они ожидали. Арриэтта и Хомили даже не проснулись, когда Спиллер наконец причалил барку к берегу, маленькому галечному пляжу под похотим на утёс обрывом со сплетением корней. Именно в этом месте просторная лужайка у дома священника соединялась с изгибом вытекающего из пруда ручья. Сначала Арриэтта не увидела лужайку: её закрывали сомкнувшиеся лапы можжевельника, прикрывавшие этот укромный причал и заслонявшие небо. Неужели они действительно добрались или этот похотий на пещеру уголок всего лишь место для отдыха во время куда более долгого путешествия?

Нет, они прибыли! Арриэтта услышала церковные часы, отбивавшие девять ударов. На мелководье Под и Спиллер возились с крышкой от мыльницы. Под пытался привязать её к корню, и она покачивалась на воде. Обернувшись, он увидел дочь, которая стояла в барке, закутавшись в стёганое пуховое одеяло, и зубы её стучали от холода, из-под гетры выбралась и Хомили, всё ещё сонная и растрёпанная.

– Наконец-то вы проснулись! – радостно поприветствовал жену и дочь Под. – Вот мы и на месте! Что вы об этом думаете?

Арриэтта пока не могла точно сказать, что думает, но место казалось ей достаточно скрытым, тёмным и почему-то безопасным. Хомили, робко остановившись возле дочери и тоже кутаясь в одеяло, кивком указала на крышку от мыльницы и подозрительно поинтересовалась:

– И куда мы на этом поплывём?

Спиллер, как заметила Арриэтта, уже карабкался вверх по берегу. Спутанные корни служили отличной лестницей.

– Никуда, – ответил Под. – Мы погрузим на неё часть вещей, чтобы было на чём переночевать, а добираться до нового дома нам придётся на своих двоих...

– Так куда мы идём? – спросила Хомили.

– Нам надо подняться по лужайке к дому, – объяснил Под. – Ты сама скоро всё увидишь... И придётся поторопиться, пока никого нет поблизости. Спиллер сказал, что они ушли на целый день...

– Кто?

– Мистер и миссис Уитлейс, разумеется. Он в это время работает в саду, а она уехала в город на автобусе. А теперь, Хомили, – добавил Под, приблизившись к барке, – передай-ка мне эти стёганные одеяла и другие постельные принадлежности. Арриэтта, поищи вон там верёвку...

Мать и дочь неохотно сняли с себя тёплые одеяла, и Арриэтта отправилась искать верёвку.

– Как насчёт нескольких кастрюль? – спросила Хомили, складывая одеяла.

– Сегодня вечером никакой готовки, – предупредил Под.

– Но нам надо поесть...

– Спиллер обо всём позаботится. Ну, всё, принимаемся за работу...

Вернулась Арриэтта с верёвкой, и дело пошло быстрее. Они спускали сложенные постельные принадлежности вниз, Поду в руки, и тот относил их в крышку от мыльницы.

– Вода немного поднялась, – заметил Под, – ночью шёл дождь...

– А мы и не заметили, – отозвалась Хомили, поглаживая рукой гетру. – Эта штука сухая, словно кость...

– Пожалуй, ты права. – Под посмотрел на густую листву над головой. – Здесь хорошо, мы в укрытии. Вы лучше сняли бы башмаки и чулки, и я помогу вам перебраться через борт.

Арриэтта, всё ещё дрожа от холода, присела, чтобы расшнуровать башмаки, и почему-то подумала о Платтерах. Сидни и Мейбл можно пожалеть: всю ночь они провели, согнувшись возле изгороди, в протекающем яlike, под зонтами, с которых капала вода.

Спиллер, как она успела заметить, уже поднялся по отвесному берегу и скрылся из виду.

– Вам со Спиллером удалось поспать, Под? – спросила Хомили, спустив одну ногу с борта.

– Да, мы выпались. – Под протянул руки, и когда жена нагнулась вперёд, подхватил её под мышки. – Улеглись ещё до полуночи. Ты разве не слышала бой часов? Вот так... отпуская руки! Молодец!

– Ой! – воскликнула Хомили, оказавшись на гальке. – Вода холодная!

– А ты чего ожидала в это время года?

Арриэтта сама соскользнула вниз с башмаками и чулками в руках: ей не терпелось подняться наверх по лестнице из корней. У Хомили энтузиазма было явно меньше.

– Теперь вы обе поднимайтесь наверх! – сказал Под, отвяывая крышку от мыльницы. – В этом нет ничего сложного, Хомили. У тебя всё получится, так что не беспокойся...

– Я ни слова не сказала, – холодно отозвалась Хомили и с отвращением посмотрела на маленький утёс. – Ты можешь взять мои башмаки, Под?

– Да, давай их сюда! – Он почти выхватил у жены ботинки и запихнул в привязанные к мыльнице постельные принадлежности. – А теперь лезьте наверх!

Арриэтта, уже карабкавшаяся по корням, протянула матери руку.

– Это совсем не сложно! Давай руку: я тебе помогу...

Хомили вяло начала подниматься по спутанным корням, пытаясь сохранить достоинство, если это вообще возможно. Но сегодня у Хомили это получилось. Она лезла вверх спокойно, ровно, без страха. Под, следивший за ней взглядом, с концами натянутых швартовов в руках, удивлённо улыбнулся, преисполнившись мрачной гордости. Никто на свете не сравнится с его Хомили, если она за что-то взялась!

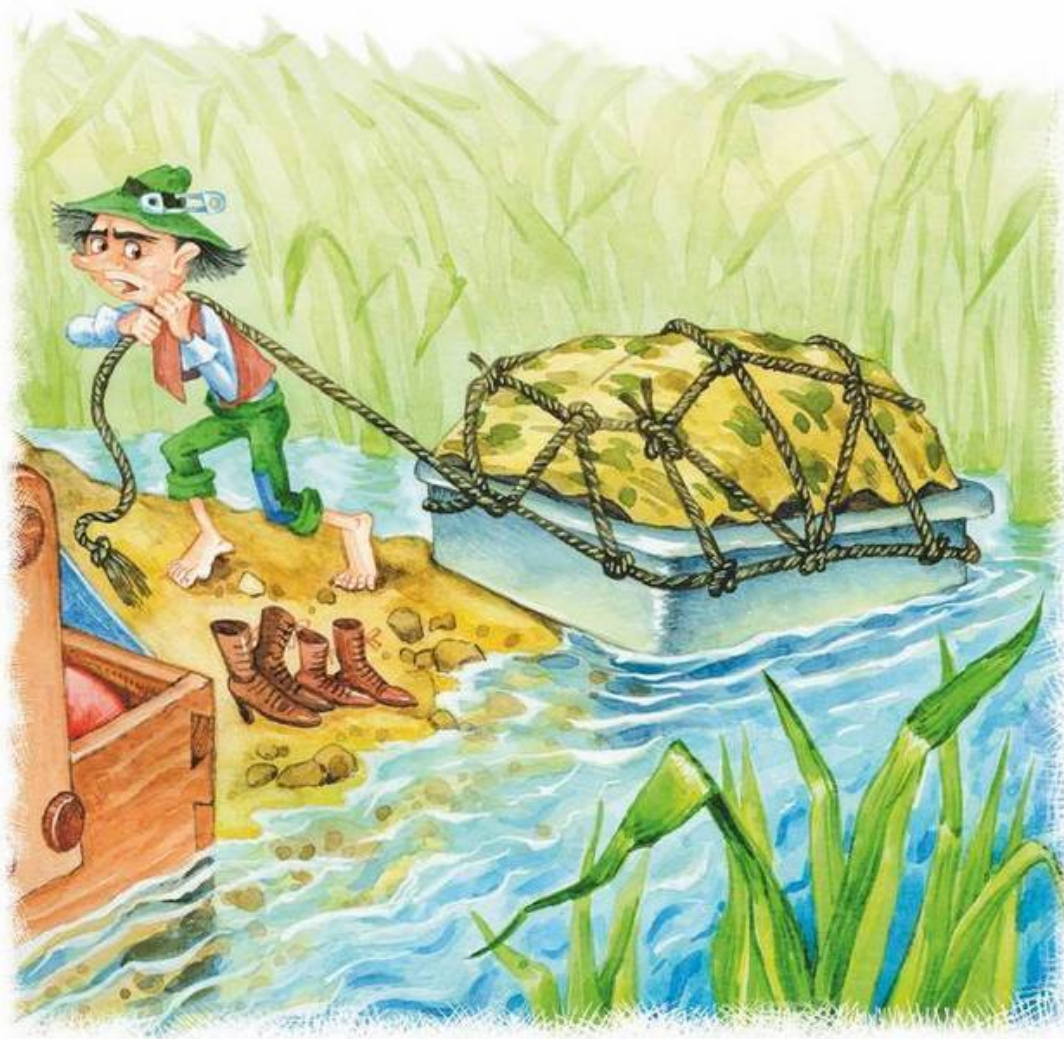
Выбравшись наверх, Арриэтта оглянулась по сторонам в поисках Спиллера, но не увидела. В этом не было ничего необычного: она помнила, что он умел слиться с любым пейзажем; главное для него было оказаться на свежем воздухе. Потом Арриэтта посмотрела на огромную лужайку, не подстриженную до гладкости бархата, как это бывало когда-то, а грубо скошенную косой. Она знала, что такое коса: Под изготовил себе косу из бритвенного лезвия. Знакомы ей были и косилки: такая имела в Фэрбанксе. Её внимание привлекло совсем другое, отчего сердце учащённо забилося: длинный низкий дом с остроконечной крышей, отражавшей свет утреннего солнца. Фасад здания казался расплывчатым и лишённым окон – должно быть, оттого, что его укрыли выющиеся растения (об этом говорил отец), совсем одичавшие без стрижки. Старый дом приходского священника обещал столько путешествий, столько укромных уголков, столько свободы!

Тут Арриэтта заметила, что между тем местом, где она стояла, и домом есть пруд с камышами вдоль берега и островком в центре. Он хоть и находился в отдалении, она сумела рассмотреть даже плоские круглые листья ещё не раскрывшихся кувшинок...

Тем временем за её спиной что-то происходило. Арриэтта, осознав это, обернулась и увидела, что на краю обрыва Спиллер, Под и Хомили, пытая от натуги, тянут за швартовочную верёвку крышку мыльницы. Она поспешила им на помощь, дав тем самым Спиллеру возможность отойти, чтобы распутать верёвку, зацепившуюся за корни. Когда ему удалось её освободить, он стал помогать им снизу. Наконец мыльница оказалась рядом, и они смогли перевести дух. Под вытер лицо рукавом, Хомили принялась обмахиваться передником, а Спиллер лёг на спину и закинул руки за голову. Никакого холода никто больше не чувствовал.

Арриэтта оперлась на локоть и посмотрела на Спиллера, растянувшегося на земле. Как странно было видеть его уставшим или спящим... Этой ночью они с Подом всё-таки нашли местечко на гружёной неудобной барке, чтобы прикорнуть на пару часов, тогда как они с матерью так уютно устроились под тёплыми одеялами, сшитыми мисс Мэнсис. Как добр был к ним Спиллер – всегда! – и всё же так далёк: никому никогда не удавалось поговорить со Спиллером по душам – только о деле.

Что ж, решила Арриэтта, нельзя иметь всё, поднялась на ноги и снова посмотрела на далёкий дом.

Спустя какое-то время поднялись и остальные и тоже обратили взоры на дом, но каждый при этом думал о своём.

– Колокольня этой церкви – точная копия той, что в игрушечном городке, – задумчиво произнесла Хомили.

– Скорее наоборот, – хмыкнул Под.

Арриэтте было приятно осознавать, что отец в приподнятом настроении: это казалось добрым предзнаменованием. Хомили, напротив, склонила голову к плечу, потому что не любила, когда над ней подтрунивают.

– Надену, пожалуй, башмаки, – усевшись на сухую листву под лапами можжевельника, буркнула Хомили. – Ты бы тоже обулась, Арриэтта: трава наверняка мокрая после дождя...

Но Арриэтта, которую всегда восхищали мозолистые ступни Спиллера, предпочла остаться босиком.

Наконец пришло время отправляться в путь – долгий-долгий.

Глава восьмая

Добывайкам следовало держаться как можно ближе к пруду – для них он был почти озером, – где осока и водные растения могли служить прикрытием. Они все тянули мыльницу за верёвку, и она легко скользила по мокрой траве. Спиллер шёл первым, за ним Под, потом Арриэтта, в арьергарде двигалась Хомили, и поначалу груз показался им почти невесомым.

Конечно, они могли пройти и напрямик через лужайку, но, хоть Под и уверял, что большой дом пустует, им не удавалось избавиться от врождённого страха перед всевидящим оком человека.

Усталость накапливалась постепенно. Попадались жёсткие травинки, иногда они натывались на прошлогодний чертополох, прибитый к земле непогодой, но не растерявший от этого своих колючек. Молодые его побеги, пробивавшиеся среди травы, были мягкими, серебристыми и бархатистыми на ощупь. Арриэтта уже пожалела о том, что не надела башмаки. Спиллер не подавал сигнала остановиться, и гордость не позволяла ей просить об этом.

Они всё шли и шли. Порой при их приближении пускалась наутёк землеройка, проснувшаяся после долгой зимней спячки. Лягушки весело скакали среди травы, где росли акониты. Да, весна пришла...

Наконец – им показалось, что прошли часы, – Под окликнул Спиллера:

– Надо передохнуть!

Они все уселись спина к спине на плотно упакованной мыльнице.

– Так-то лучше, – вздохнула Хомили, вытягивая уставшие ноги.

Арриэтта наконец-то надела грубые тёплые чулки, которые мать так ловко связала парой тупых штопальных игл, и башмаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.